Александр Осипов

О времени и о себе

Александр Осипов

О времени и о себе

«Издательские решения»

Осипов А. И.

О времени и о себе / А. И. Осипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836695-6

О времени жизни с 1949 до 1999 года и событиях, происходящих в это время в стране. Учеба в школе. Служба в спецназе ГРУ. Учёба в институте. Работа на заводе.

ISBN 978-5-44-836695-6

© Осипов А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Детство и школьные годы 7
Деревня 8
Природа 13
Люди 15
Дедушки и бабушки 18
Родители 19
Сестра и брат 21
Дошкольные годы 23
Учёба в начальной школе 25
Учёба в средней школе 29
Глава 2. До службы в армии 35
Попытка поступить в институт 36
Работа в колхозе 38
Помощь родителям по дому 40
Свободное время 41
Подготовка на парашютиста 43
Глава 3. Служба в армии 47
Путь к месту службы 48
Германская Демократическая Республика 50
Бригада специального назначения 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

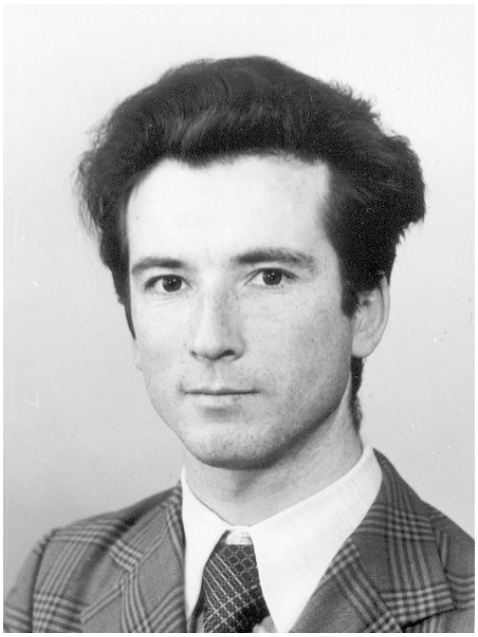
О времени и о себе

Александр Ильич Осипов

© Александр Ильич Осипов, 2017

ISBN 978-5-4483-6695-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2004



«Кто имеет право писать свои воспоминания? – Всякий. Потому, что никто их не обязан читать».

(А. Герцен.)

«Самое дорогое у человека – это жизнь. … Она дается ему один раз и прожить её надо так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое мелкое прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: «Вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному на земле – борьбе за освобождение человечества!»

(Н. Островский.)

Предисловие

Что побудило меня взяться за перо и написать о времени, в котором жило наше поколение – поколение людей, родившихся в середине двадцатого столетия? Причин много. Но из всех надо выделить главную – показать вклад нашего поколения в развитие нашего общества. Мы родились после того, как пронеслись над страной шквальные бури революций, гражданской и отечественной войн, коллективизации, индустриализации и культурной революции. Мы восхищались подвигами наших дедов и отцов. Мы завидовали им, что они жили в такое время. Было обидно, что мы родились поздно, когда, как казалось нам, для нас не осталось великих дел. Но это было вовсе не так. На примере наших дедов и отцов мы готовили себя и нас готовили к защите отечества, к построению коммунистического общества в нашей стране и к защите и укреплению социализма в нашей стране и других странах.

Из этих трех задач самой сложной и запутанной для нашего поколения оказалась вторая – построение коммунистического общества в нашей стране. Мы родились при Сталине и самые первые «камушки» светлого будущего, при котором мы будем жить, закладывали в наше сознание по теории Ленина и Сталина. Азбуке коммунизма стали учить по новой программе КПСС – Программе построения коммунистического общества в СССР. Это было в период правления Хрущева. В период правления Брежнева, когда мы познавали уже грамматику жизни, мы стали понимать, что заходим в тупик, и выход из него может дать только теоретическое осмысливание происходящих процессов в нашем обществе и на базе этой теории открытие научного пути перехода от социализма к коммунизму. А пока этого не будет – будет продолжаться метание то в одну, то в другую сторону и все больше будет появляться неуверенности в построении коммунистического общества.

На наших глазах шла борьба и в теории, и на практике за пути построения коммунистического общества. Надо сказать, что наше поколение в этот период не потеряло веру в построение светлого будущего.

Мы были детьми своего времени. Время было сложное. Империалисты готовились к третьей мировой войне. Гонкой вооружения они пытались не дать нам выполнять планы повышения благосостояния народа. Империалисты пытались вбить клинья в социалистические страны, задушить освободительное движение слаборазвитых стран.

Создание ядерного оружия, его испытание под землей, на земле, под водой и в атмосфере выпало на годы нашего поколения.

На наше время пришли и яркие годы покорения космоса, освоение целинных земель, покорение сибирских просторов.

Все эти события по крупицам впитывались в наше сознание, кровь и плоть. Мы уверены, что наши дети, впитавшие с молоком матери нашу идеологию и наши светлые цели, не растеряют их, а приумножат.

Глава 1. Детство и школьные годы

«Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души».

(С. Есенин)

Деревня

1949 год был особым годом в летописи истории нашей Родины. 29 августа 1949 года было произведено первое испытание ядерного оружия в нашей стране. Началась эра создания и испытания ядерного оружия.

Родился я восьмого октября 1949 года в деревне Мало-Ягодинка, Сараевского района, Рязанской области.

Деревня Мало-Ягодинка (называли её и Зеленый луг, по названию колхоза) находится на юге Рязанской области. Она находится в дали от промышленных центров, крупных железнодорожных станций, шоссейных дорог и больших рек. Образована она была в середине 20-ых годов в период раздела помещичьих и церковных земель. В это время сыновья отделялись от родителей, строили дома и создавали новые деревни.

Название Мало-Ягодинка уже говорит о том, что деревню основали жители села Ягодное. Домов было не много – около сорока. Расположена метрах в двухстах западней речки Пара. Длиной вытянулась с километр. В начале была одна улица, но так как место было выбрано низкое и нижние огороды весной стало сильно заливать, то несколько семей перенесли свои дома на более высокое место. Они примкнули к домам с северной стороны с запада. Эту улицу стали называть «Кочергой», так как вид деревни стал схож с формой кочерги.

В период культурной революции была построена начальная школа. В ней учились дети деревни и близлежащих деревень: Левонтевки, Кудашево, Козловки и Кудрявки.

В период коллективизации жители деревни создали колхоз Зеленый луг. Затем и деревню стали чаще называть Зеленый луг, а не Мало-Ягодинка. В это время были построены колхозные строения: животноводческая ферма, телятник, конюшня, амбары, другие строения, был открыт магазин. После войны был построен клуб. Во время нашей юности была построена баня, но она работала не долго. Начальная школа и клуб были «очагами» культуры для жителей нашей и близлежащих деревень. Магазин также обслуживал несколько деревень. Таким образом, наша деревня была небольшим «очагом», вокруг которого «обогревались» соседние деревни. Радио было проведено в деревню, наверно, после войны. Как-то не приходилось интересоваться этим, а вот электричество было проведено в 1956 году. До 1956 года электричества не было. В начале подключили к электростанции, которая находилась в селе Муравлянка, и электроэнергию подавали только в вечернее время. Позже подключили к единой энергосистеме.

Все дома в деревне деревянные. Так как они почти похожи, то я более подробно остановлюсь на нашем доме. А по нашему дому можно будет судить и о всех домах деревни.

Наш дом находится почти в середине деревни, на нижнем плане, т.е. ближе к речке. Парадные окна выходят на запад, одно окно из горницы – на юг и одно в прихожей – на восток, во двор.

Родился и жил я первые годы ещё в доме построенным дедом, Федором Арсеньевичем Осиповым. Дом-пятистенок, с соломенной крышей, как и все дома деревни того времени, с тесовыми сенями, без крыльца. В начале 50-ых годов отец построил новый дом. Для нового дома были использованы материалы и старого дома. Сени были сделаны из материалов разобранного амбара. Сделали крыльцо. Крышу покрыли толью, а немного позже – шифером. Шифер отец привез из г. Воскресенска. Без переделок дом простоял до начала 70-ых годов. Когда я учился в институте, я сделал террасу, заменил пол и простенок в сенях, обил дом тесом.

Несколько раз проводился ремонт и внутри дома. Когда мне было лет шесть Горчаков Василий, который жил в нашей деревне и был отличным столяром, сделал новую дверь

в горницу, которая стоит и по сей день. Дверь с горницы была перевешана в прихожую, а из прихожей позже навесили на надстройку над погребом. Когда я учился в старших классах, я сделал перегородку в чулан, а когда учился в институте, родители наняли мастера, и он заменил пол в прихожей. После десятого класса я оштукатурил прихожую. В начале семидесятых годов в обеих избах обили потолок фанерой. Первый раз проводили покраску в доме, когда я учился в начальной школе. Красил, кажется, муж сестры. Он покрасил пол в горнице, двери и окна. Пол в горнице после этого ни разу не перекрашивали. Это говорит о хорошем качестве покраски. В сенях и прихожей полы были покрашены после того, как они были заменены. Хорошо помню каких трудов стоило маме мыть не крашенные полы. Мыли полы водой, терли веником, скребли топором, опять водой. Не из легких была эта работа. Выполнял эту работу иногда и я, когда был постарше. В конце 50-ых или начале 60-ых годов была сложена новая печь. Старая русская с печурками была сломана и сложена новая комбинированная печь с голанкой и духовкой. В 70-ых годах сложили новую голанку и в горнице. Для меня в памяти навсегда останется старая голанка с плитой. Много дней проводил я у неё. Особенно в те годы, когда занимался радиолюбительством. Надо было изготавливать полупроводниковое вещество, паять и т. д. И все эти работы в зимнее время выполнялись благодаря голанки.

С годами менялся интерьер внутри дома. В горнице стояли две кровати. Одна металлическая – на ней спали родители, и вторая деревянная – на ней спал я. Когда сестра вышла замуж и жила в г. Свердловске, они прислали багажом две металлические кровати. Мою кровать заменили металлической односпальной, а у родителей двуспальной. Деревянную кровать поставили в сенях, а металлическую на погребе, а когда я учился в девятом классе – в амбаре. Над моей кроватью весела цветная ткань. Цветы были очень красивыми и мне они очень нравились. У родителей над кроватью весело простенькое панно, т.е. ткань (черная) на которой были вышиты цветы. Позже они купили нарисованную краской картину на ткани, на которой были изображены олени, стоявшие на лужайке леса. Кровати занавешивались занавесками. В начале, кроме ситцевых занавесок, были еще занавески и марлевые. Кровати ежедневно убирались. И от того, как они были убраны, во многом определялся вид горницы. От того, как хозяйка убирала кровать, – характеризовало ее умение поддерживать в доме уют. В горнице стояло два сундука. Один у двери, второй у стены, напротив двери. В сундуках хранилась одежда, бельё и т. п. В начале 70-ых годов родители купили диван и поставили его вместо сундука у стены, напротив двери, а сундук поставили вместо сундука у двери, который перенесли в прихожую. В простенке между окон стоял деревянный стол. За этим столом зимой вечерами пили чай, мама шила на машинке, я готовил уроки. Позже, когда начал увлекаться радиолюбительством, я сделал себе рабочий стол, который поставил у окна с южной стороны. В углу между окон, был оборудован уголок, на котором стояли две вазы для цветов и зеркало. Под углом стоял маленький сундучок с посудой. Уголок был занавешен и украшен вышивным панно. В углу, на верху, стояли иконы и весела лампада. Так же, как и нижний угол, верхний угол был украшен белыми вышитыми занавесками. Занавески были на окнах и на двери. В горнице стояла ещё тумбочка для хозяйственных нужд и книг. В начале она стояла у стены напротив двери, а когда я сделал стол и поставил его у окна, тумбочку поставил у своей кровати. В горнице на стенах много было вывешено фотографий. Над столом висела большая фотография родителей. Такие фотографии были почти в каждом доме. На южной стене висел большой портрет маминого отца, большая рамка с фотографиями и несколько отдельных маленьких фотографий. На северной стене также висело несколько фотографий. На этой же стене висела картина: «У заросшего пруда». Для этой картины брат сделал рамку, и она долгие годы висела в горнице. Я часто любовался ею, и она побуждала к размышлению. Может именно эта картина и зажгла во мне любовь к изобразительному искусству и к рисованию. В раннем детстве мы мало видели репродукций кар-

тин, книг, кинофильмов и поэтому то, что мы имели, очень ценили и берегли. В горнице висел радиопродуктор. В начале дисковый, а затем в виде ящика. Радио любили слушать и родители и я. Всегда следили за программой. Старались не пропустить радиоспектакли, спектакли и концерты. На пол мама часто стелила дорожку. В начале домашнего изготовления, а затем фабричную. К каждой кровати позже мама связала из тряпок коврики для ног. Горница всегда была нарядной и чистой. Особенно было приятно находиться в ней в зимние вечера, когда топилась голанка, было тепло, а за окном выла метель.

В прихожей стояли обеденный стол, вдоль стены лавка, у сенной двери небольшой сундук. У печки стояла лавка, весела полка для посуды, весел умывальник. На лавке стояло ведро с питьевой водой и керосинка. Когда была старая печь – стояла еще зимой железная печь. Её купил папа в г. Моршанске и с разъезда семь километров нёс на себе. Когда учился в начальной школе, я любил около неё читать. За обеденным столом мы ели, мама готовила пищу, я любил готовить уроки зимними вечерами с керосиновой лампадой, когда отключали электричество. В раннем детстве на столе не было клеёнки, и мама каждый день мыла стол теплой водой, и скоблила его ножом. В прихожей была прибита на стене вешалка для верхней одежды. В начале шестидесятых годов я сделал новую вешалку с полочкой, которая сохранилась и по сей день. В эти же годы я провел в прихожую радио. Так что теперь радио слушали и в прихожей. Когда поставили в прихожей сундук из горницы, на нем иногда отдыхали родители, а когда летом было много гостей, и спали. В раннем детстве я любил играть на печке. На ней часто спал папа, мама не любила лежать на ней. На стене у сенной двери висели часы-ходики. В конце семидесятых годов я из п. Запрудни привез родителям ходики с кукушкой, которые очень нравились родителям и, особенно, маме. Маме приходилось вставать рано, особенно, летом, и кукушка всегда напоминала который час. Над столом в углу висели иконы и лампада. В простенке между окон висело зеркало. У него был отколот угол, и в последствие мы его выбросили, так как считалось, что разбитое зеркало приносит дому беды, а они одно время посыпались одна за другой. В доме было два стула. Один фабричный. Второй сделал брат. Была в начале одна табуретка, которую сделал брат, а затем вторую сделал и я.

Из прихожей дверь выводила в сени, а из сеней одна дверь – на улицу, а вторая – во двор. В сенях стоял закром для хлеба, сундук для продуктов. Затем была поставлена деревянная кровать. Осенью стояли бочки с солёным мясом и ветчиной. В сенях вывешивалась ветчина. По несколько дней, а иногда и недель висели зарезанные овцы, теленок, свинья, гуси и куры. На стенах весели полки: одна, закрытая и другая – открытая. Полки были небольшие. В них хранили стеклянные банки и кое какой инструмент. Потолка на сенях не было. С сеней лазили на потолок. Потолок был утеплен дубовыми листьями и землей. Когда чистили дымовую трубу, ещё дополнительно утепляли золой. На потолке, обычно, складывали обувь, газеты, ненужные книги. Позже я держал на потолке некоторые радиодетали. На потолке держали вторые оконные рамы, которые ставили на зиму.

Двор примыкал к дому в виде буквы «П». Хлева для скотины соединялись с домом навесами, а в середине был выгон без крыши. Хлевов было несколько: для коровы, овец, поросенка, телка, гусей. Для кур были сделаны нашестия. В начале двор был сделан плетневый и покрыт соломой. Затем в конце пятидесятых годов был построен новый двор, рубленый. Но и этот двор в середине шестидесятых годов мы с папой переделали.

Погреб в начале был без надстройки, т.е. открытый. Зимой его засыпало снегом, и часто надо было откапывать вход. В конце пятидесятых годов брат сделал новый погреб с надстройкой. Погреб был хороший. В нем хранили квашеную капусту, моченые яблоки, соленые огурцы, помидоры и грибы. Летом ставили квас, сметану и прочие продукты. Весной на лето погреб засыпали снегом. Он сохранялся почти до августа месяца. В надстройке держали керосин, соль, косы, грабли, инструмент. До пристройки к погребу амбара, стояла и кро-

вать. На ней спали летом, когда приезжали сестра и другие гости. В 1966 году я пристроил к погребу амбар. Поставил в нем кровать, провел электричество, установил приемник. Спать в амбар переходил где-то в мае, а уходил в избу поздней осенью.

Колодец был поставлен около дома. В 1967 году я и Шатилов Алексей поставили новый. Вода в колодце была хорошая. Часто за водой приходили и соседи.

Усадьба была обнесена плетневым забором, который простоял до конца пятидесятых годов, а затем брат поставил ограду из штакетника. С огорода и от соседей поставил ограду я.

Около дома были посажены ветлы. Росла и береза. В середине пятидесятых годов брат посадил сосну, а в шестидесятых годах папа привез несколько елок. Одна принялась и сохранилась. Сосна и ель – единственные у нашего дома на всю деревню. С середины пятидесятых годов брат посадил яблони, сливу. Позднее посадил крыжовник и хороший сорт смородины. Сад стал расти и набирать силу. Он рос и радовал душу. Но были и огорчения. Один раз подъели кору мыши, затем ещё раз подъели зайцы. И они подъели здорово. Несколько яблонь пришлось спилить, и они отрастали заново. Наносили ущерб саду и морозы, и сильные ветры. Но чтобы не было, сад рос и стал плодоносить. Сорта яблонь были отличные. Много было вишни, сливы. Но в основном это было когда я учился в старших классах и позже, а в детстве не очень приходилось довольствоваться своими фруктами. Когда я учился в старших классах Маруся, жена брата, привезла рассаду клубники. Мы посадили её и она отлично плодоносила несколько лет. Но ухода за ней не знали, и она постепенно перевелась. Около дома, кроме фруктовых деревьев, сажали и овощи. В основном, сажали огурцы, лук, морковь, помидоры, свеклу и другие овощи. Землю около дома перекапывали лопатой.

Огород занимал пятьдесят соток. Около тридцати соток было отведено под картофель, просо или овёс, свеклу, капусту и прочие овощи. Двадцать соток занимал луг, где косили сено и отаву. В начале огород обрабатывали с помощью лошади. Пахали, бороновали, сажали и выкапывали картофель – всё при помощи лошади. Пахать мне не приходилось, в основном, это делал отец. Мне он не доверял, но иногда я помогал водить лошадь. А вот боронить отец доверял. Садился я верхом на лошадь и боронил огород. Сажать картофель всегда приходило много народу. Это было традицией помогать всегда тем, кто сажает картофель. Выстраивались вдоль грядки метра через два и тем самым сажали быстро и не так уставали. Просо, а чаще овес, мы сеяли старинным методом – вручную. Отец шел и разбрасывал рукой впереди себя зерно, а я на лошади боронил. Позже сеяли уже сеялкой. Немного помню, как сажали табак и ухаживали за ним. Одно время его сажали в деревне очень много. Помню, как делали из него самосад, т.е. сами изготавливали табак на курево из стебля и листьев. Самосад был очень крепким. Многие курили с большим удовольствием.

Место, отведенное для травы, было низкое. Весной долго стояла вода. Та часть огорода, где росла трава, была отгорожена от колхозного луга сплошным кустарником. Иногда, когда было много воды, в этих кустах садились дикие утки, а один раз они даже вывели утят. Один раз из речки зашла и рыба. Много воспоминаний осталось от уборки сена на огороде. Косить я начал рано. Косить любил. От первых уроков косьбы осталась и память: шрам на указательном пальце правой руки. Порезал палец, когда точил косу. Косу поставил на камушек, а когда стал точить её бруском, она соскочила и порезала палец.

Родители держали скотину: корову, овец, поросенка, гусей, кур. Когда я учился в институте, родители держали и кроликов. Коров и овец пасли пастухи. Пастухов нанимали на общем сходе деревни. Так было до введения денежной оплаты и установления пенсии колхозникам, т.е. до начала шестидесятых годов. После чего нанять пастухов стало трудно, практически не возможно, и пасти коров и овец стали по очереди. Скотину я любил. Когда её резали, я уходил из дому, или уединялся в таком месте, чтобы не слышать и не видеть, как её режут. За все время я не зарезал ни одного даже цыпленка. В зимнее время дома дер-

жали теленка, ягнят, маленького поросенка. Дома гуси выводили гусенят, а наседка – цыплят. Видимо от этого общения и родилась привязанность к ним.

Питались мы хорошо. Мама готовила вкусно. Все продукты, в основном, были домашние. Хорошо помню то время, когда и хлеб пекли свой, домашний. Дома были формы для выпечки хлеба. Хлеб пекли два-три раза в месяц. Когда пекли хлеб, запах хлебный разносился чуть ли не по всей деревне. Поэтому в деревне всегда знали, когда и кто печет хлеб. Особенно я любил наблюдать, когда мама готовила пышки, лапшу, печенья и т. д. Она доверяла мне делать баранки, и это для меня было большой радостью. Мама делала даже домашнюю колбасу. Особенно оценил вкус домашних блюд и продуктов, когда учился в институте и стал работать. Русские щи, квас, окрошка, что может быть лучше и вкуснее, когда они приготовлены по-деревенски. Часто появляется желание приготовить блюда, так как готовила мама и вспомнить деревенскую жизнь, но увы, так как готовила мама мне ни за что никогда не удастся приготовить.

В таких же домах жили все жители деревни. Такую же держали скотину, те же самые овощи выращивали на огородах, каждый имел сад и так же питались. Конечно, были различия, но они были незначительны. В деревне не было резких контрастов в уровне жизни. Не было бедных и богатых. Все жили, примерно, одинаково.

Природа

Также как домашний и деревенский быт, природа имела большое влияние на моё воспитание. Поэтому ни сказать несколько слов о природе я не имею права. К ней я питаю самые высокие чувства. В ней порой находил утешения. С ней делился размышлениями и воспоминаниями. Она для меня была одушевленной. Я ощущал её душу.

Самые богатые воспоминания у меня остались о речке. Наша речка называлась Пара. Она берет начало за несколько километров южнее нашей деревни и впадает в реку Ока. Река небольшая. В годы моего детства она была местами очень глубокая. Водилось много рыбы. Рыба водилась разная: щука, язь, окунь, налим, лещ, красноперка, ерш, пескарь, плотва, маклец и другая. То, что водилось много рыбы, привило нам, мальчишкам, любовь к рыбалке. Мы, порой, днями сидели с удочками на речке и ни чем не могли нас оторвать от рыбалки. Особенно много рыбаков было весной. Иногда берега были усыпаны рыбаками до такой степени, что негде было ногой ступить. Рыбу ловить я начал рано, ещё до школы. Первые удочки были из обычных ниток. Крючки делали из проволоки. Поплавки были из пробок. Затем появились удочки из лески и с покупными крючками. Доставали леску и крючки за тряпки у «грушника», т.е. кто собирал у населения тряпки за игрушки и прочие вещи, а также у ребят, которые приезжали из города в деревню на лето. Хорошо помню первую рыбалку. Мне было лет шесть. Брат сделал мне удочку и я пошел ловить рыбу на Пекину яму. На речке многие места имели названия. Забросил я удочку и стал ждать поклевки. Вдруг поплавок стал дергаться и нырять под воду. Брат меня учил, что как поплавок уйдет глубоко под воду, тащи удочку. Я так и сделал. Только поплавок ушел под воду я стал вытаскивать удочку. Чувствую, кто-то сопротивляется и удочку тяжело вытаскивать. Сердце забилось. Меня охватило радостное волнение. Рыбу вытащил, но она сорвалась с крючка и упала около воды. Попалась краснопёрка или подъязик грамм на двести, но пока я подбирался к месту, где она упала, рыба скатилась в воду и уплыла. Как я не пытался поймать ещё рыбу, но больше в этот день ни чего не поймал. Это место на речке было для меня самое любимое. Оно находилось позади нашего дома. На этом месте я часто ловил рыбу, а рыбы здесь всегда было больше чем в каком либо другом месте. Ловить рыбу приезжали и приходили из других деревень. Ловили не только на удочку, но и бреднем, весной – вершами, наменкой. За лето ставили на мелком месте гать, воды становилось мало, и ловили рыбу кошелками и руками. Но самое обидное было то, что рыбу глушили и травили. Это делали не местные, а приезжие. Ежегодно речка мелела. Мелела из-за того, что весной сильно размывало канавы и со временем русло в двух местах поменяло направление. Речка углубилась и обмелела. Платины, которые ставили, одно время почти ежегодно, пожалуй, ещё больше усугубили эту проблему. В результате чего речка обмелела, рыбы почти не стало, и прежняя красота осталась только в памяти. Особенно красива речка была на утренней зорьке, когда всё в природе просыпалось. От поверхности воды поднимался легкий пар, плескалась рыба, затем появлялся легкий бодрящий ветерок, и пар с поверхности постепенно улетучивался, и на воде появлялась легкая рябь.

В жаркие летние дни мы с ребятами с утра до вечера пропадали на речке. Часами не вылезали из воды. Все мы рано научились плавать. Я научился плавать в шесть или семь лет. Учили нас просто. Взрослые ребята брали за ноги и руки, раскачивали и бросали в воду. Мы начинали сильно болтыхать ногами и руками, как умели, лишь бы удержаться на воде и не уйти под воду. Что самое интересное: как правило, почти с первого раза начинали плавать и держаться на воде. Мне больше всего доставляло удовольствие – это нырять с берега в воду. Позже любил плавать на большие расстояния. Места для купания били отдельные для ребят и девчат. Но с годами все эти ограничения стирались и позже купались все вме-

сте. Во время купания любили играть во все возможные игры. Зимой на речке играли в хоккей. Особенно увлеклись хоккеем в старших классах. Речка, как магнит, притягивала ребят к себе. Много времени было проведено на её берегах. И эта привязанность к реке осталась на всю жизнь.

Название деревни «Зеленый луг» говорит о том, что несколько слов надо сказать о лугах. Луга распростирались между деревней и речкой. Весной они заливались водой. От этого на них росла хорошая трава. Немного помню, когда все выходили на сенокос. С песнями, шутками проводилась эта работа. Но с годами река мелела, скота в колхозе становилось все больше и лугов для сенокоса оставалось всё меньше и меньше. Но продолжали держать луга под сено на нижних огородах, в том числе и на нашем. Так что насладиться прелестями сенокоса мне приходилось часто. В детстве мы играли на луге в лапту, футбол, волейбол и другие игры. Летом любили собирать луговые опята.

По другую сторону реки была возвышенность. Зимой с неё катались на лыжах. А ещё дальше, где-то с километр находился лес. Лес – смешанный, преобладал дуб. В лес ходили за ландышами, ягодами и грибами. В лесу много было клубники, меньше земляники и других ягод. Грибы были разные. У меня в лесу были любимые грибные места. Их мне показал Виктор, муж сестры. Когда учился в старших классах, грибов собирал много. Солили на всю зиму.

Природа была и не очень богатая, но и не бедная. Понемногу сочеталось всё: лес, речка, луга, болота, кустарники и овраги. Мы росли и мужали на лоне этой природы. Очень любили свои места. Но было и обидно, когда видели, как на наших глазах беднеет природа, как человек своим существованием разорял природу. Человек – частица природы и так варварски к ней порой относится. Ведь человечество корнями держится за природу. Не подрубает ли человечество свои корни, уничтожая природу? Люди, опомнитесь, что мы делаем. Не пора ли нам объявить поход каждого человека за спасение природы. Пора разработать программу спасения природы. В которой детально расписать, что должно быть сделано для спасения природы в каждой местности и каждым человеком. В первую очередь надо спасать мелкие реки. Ведь именно с них начинаются большие реки, озера, моря, океаны. Необходимо очистить малые реки, поднять в них уровень воды, путем строительства дамб и плотин. Где это можно ставить не просто плотины, а мелкие гидроэлектростанции, мельницы и т. п. Поход за спасение природы должен быть всенародным. В этом походе должны принять участие от малого до взрослого. Ведь любовь к Родине, патриотизм начинается с любви к родным местам. Так и надо сделать всё для того, чтобы мы любили и радовались родным местам, чтобы у каждого из нас родные места были святыми. Человек и природа – едины. Обедняя природу – мы обедняем и себя, и в первую очередь обедняем духовно. Человечеству надо задуматься над этим.

Люди

Люди в деревне жили русские. Был только один украинец – Дюльдин Василий. Жизнь у каждого складывалась неодинаково. Не даром говорят: жизнь прожить не поле перейти. У кого она складывалась счастливая, у кого трагичная, у кого полосами: то счастливая, то трагичная, у кого будничная. О жизни каждого человека деревни можно было бы писать романы. Но если говорить в целом о людях, то люди нашей деревни во многом отличались от людей соседних деревень. В чем же выражалось это отличие? Люди нашей деревни были нравственно чище других. Они были более дружелюбными, помогали друг другу; также были проще, скромнее, трудолюбивее. В женщинах больше чувствовалось женственности, не было пьяниц. Женщины прикасались к спиртному только по большим праздникам и событиям и только к красному. Всё это сказывалось и на нашем воспитании. Мы всегда гордились нашими людьми и с гордостью слушали хорошее о наших людях от других. Люди относились к детям нашего возраста как-то по-особому. Мне, кажется, даже намного теплее, чем к другим возрастам. На это есть, наверно, и причины. Ведь мы родились и росли после войны. Люди стали жить лучше и полегче. Больше стало свободного времени. Больше стали уделять внимание детям. Радоваться детьми. Радоваться жизни. Мы также были очень рады, что взрослые уделяют нам внимание, учат жизни, доверяют в колхозных и домашних делах. В тоже время научно-технический прогресс во многих технических вопросах потребовал у взрослых дополнительных знаний, которых у них порой не хватало. И тут они обращались за помощью к нам. Мы же со своей стороны считали оказать им помощь за великую честь.

Из всех жителей деревни необходимо отметить тех, с кем чаще всего сводила жизнь. А жизнь чаще сводила меня с моими друзьями и их родителями, друзьями моего брата, моей сестры и моих родителей. Общение с одними вызывало к ним жалость и стремление в чём-либо им помочь; с другими – быть похожими на них, от них я перенимал всё хорошее, набирался ума и разума; третьи – наоборот подавали пример: каким не надо быть в жизни. Рассказать о всех жителей деревни, оказавших влияние на меня, я не ставлю целью моих воспоминаний. Но о некоторых мне хочется сказать несколько слов.

На протяжении многих лет наша семья поддерживала дружеские отношения с Воронковой Марией Петровной. Особенно теплые отношения с ней поддерживала моя сестра. Судьба у неё сложилась нелегкая. Муж – погиб на фронте. Осталась с двумя сыновьями. Младшего сына в конце пятидесятых убило молнией. Хорошо помню этот день. Я ловил на речке рыбу. Когда началась гроза, и пошел дождь, я с Сергеем пошли к нему домой. Последний удар молнией был самый сильный, после которого гроза стала утихать, пришелся на дом Марии Петровны. Этот удар унес из жизни её сына и сжёг дом. Старший сын жил в г. Нальчике. Но с ним у неё не всё было нормально. Во взаимоотношениях. У него она жила недолго. Так что до глубокой старости она жила одна в доме, который ей построил колхоз. Последние годы она жила в интернате для престарелых, куда её устроил её сын. До последних дней она вела переписку с моими родителями и моей сестрой. Она была образованная. Много читала. Когда я был книгоношей, то много книг из библиотеки приносил для Марии Петровны. Наша семья всегда помогала ей чем могла. Помогала и Мария Петровна так же чем могла. Весной помогала сажать картофель, а осенью его выкапывать.

Хорошие отношения были у нашей семьи с Воронковыми: тётей Настей и дядей Егором. Они жили одни. У них не было детей. Дядя Егор был лет на десять старше тёти Насти. Дядя Егор любил юмор, был остёр на слова. Любила пошутить и повеселиться и тетя Настя. Хорошо запомнил как я в детстве с ней плясан под гармошку, на которой играл брат. Дядя Егор немного работал на железной дороге вместе с моим отцом, но работал не долго – вернулся в колхоз. В колхозе они работали хорошо. Я бы сказал даже с жадностью. Вроде бы

не зачем было так до глубокой старости рваться на работе. Детей не было, а уж двоим им хватило бы и пенсий. Но нет, они не отставали от других. Работали не жалея сил и здоровья. Построили хороший дом – пятистенок, имели хороший сад и несколько ульев. Дядя Егор умер в 1979 году. Моя мама через год. На кладбище их могилы находятся рядом. Тётя Настя после смерти дяди Егора жила одна. Много работала по домашнему хозяйству, относительно её возраста. Но последние годы болела, ломала руку. Тётя Настя умерла в 1991 году.

В зимние вечера к нам на посиделки чаще других приходили тётя Настя и тётя Прося. Тётя Прося жила одна. Её муж погиб на фронте, а дети (их было трое: две дочери и сын) разъехались. Трудности одинокой жизни она переносила стойко. Никогда не унывала. Всегда была веселая. Особенностью её характера было то, что она всегда восхищалась, если что-то увидит необычное. Часто восхищалась и моими поделками.

Почти на против нашего дома жили Шатиловы: дядя Вася и тётя Дуня. Дядя Вася и до войны, и во время войны, и после войны работал в кузнице кузнецом. В кузнице он потерял и один глаз. Их все звали «Кузнецовы». Я помню кузницу, которая была в нашей бригаде, но дядю Васю, когда в ней работал, уже не застал. Наверно, он уже был на пенсии. Тётя Дуня работала в колхозе. Одно время работала телятницей вместе с моей мамой. Хорошо помню, как пасли вместе телят, как ухаживали за ними. Я ещё не ходил в школу, но хорошо помню как нас троих (меня, маму и тётю Дуню) застала гроза при сборе скошенной кукурузы для телят. Мы наложили уже почти целую телегу кукурузы, и началась гроза с дождем. Гроза была сильной. Удары были один за другим. Мы все измокли, но, переждав дождь грозу, доложили кукурузу и привезли телятам. Тётя Дуня умерла раньше дяди Васи. Дядя Вася женился, но вскоре умерла и вторая жена. Несколько зим он жил у сына в Москве и у дочери в г. Махачкале, но последние годы доживал один в деревне. Зимой чаще ложился в больницу. Был хитроват, умел пустить слезу, мог, как говорят, подъехать к любому человеку. Обладал смекалкой, был спокойный, я не помню, чтобы он когда либо не сдерживался и выходил из себя. Хорошо разбирался в охотничьих делах. Имел ружьё. В молодости был заядлым охотником. Держал охотничью собаку. Когда была жива тётя Дуня, летом к ним приезжало много гостей с детьми. Я любил с ними играть. Зимой у них, бывало, собирались любители игры в карты. Иногда в карты играли до утра. В карты любили играть дядя Вася и тётя Душа. Играли всегда весело и никогда игра не выходила за рамки дозволенного. Когда я ещё учился в начальных классах, мама обращалась к дяде Васе за помощью: заклепать чугунку или кастрюлю, наточить ножницы и за другими жестяными работами. Потом всё это делал я сам. Некоторым работам дядя Вася обучил и меня. Но столярные работы он, видимо, хорошо не мог делать. Как-то он сломал у ружья приклад и делал ему новый приклад я. Умер он, когда я заканчивал институт.

Частым гостем нашей семьи была тётя Поля. Тёплые связи у нас с ней установились ещё и по родственным связям с её неродными детьми. Она был второй женой у дяди Никиты. Первой его женой была родная мамина сестра тётя Марфа. Она была грамотной женщиной, начитанной, верующей в бога. Дядя Никита был партийным, в годы войны был председателем колхоза. Верующая жена и не верующий муж. На этой почве у них часто были споры. Тётя Марфа умерла, когда ей ещё не было и пятидесяти лет. От неё остались двое детей. Мария и Петр. Дядя Никита женился второй раз на тёте Поле, но прожили они вместе не долго. Дядя Никита умер в середине пятидесятых годов от сердечного приступа ночью во сне. К тёте Поле продолжали приезжать Мария и её сын Павел из г. Красноармейска, Московской области. Тетя Поля была не грамотной и часто приходила к нам и я от её имени писал письма Марии. Мы ей помогали чем могли, чаще всего помогали молоком. У меня была обязанность – каждый день вечером относить ей молоко. Когда у нас ещё не было своего сада, она приносила нам яблоки: белый налив и терентевку. Летом, когда приезжал Пашка, он был на два года старше меня, мы с Сережкой ходили к нему. Тётя Поля разрешала нам

заходить в сад и собирать яблоки, вишню и малину. Она прожила долгую жизнь. Последний раз я её видел на похоронах мамы. Наша семья поддерживала хорошие отношения со многими семьями в деревне. Но, особенно, наша семья тянулась к простым людям. Всегда чем могли стремились им помогать. Родители свои отношения строили с людьми на честности и справедливости. Это передалось и нам – детям.

Дедушки и бабушки

К сожалению, я родился, когда не было в живых дедушек и бабушек. И это, в какой-то степени, сказалось на моем воспитании. Как правило, в детском возрасте на формирование характера, взглядов на жизнь оказывают влияние больше дедушки и бабушки, чем родители. И в этом плане я до сих пор ощущаю пустоту: как будто что-то не дополучил в детские годы от пожилого поколения (дедушек и бабушек). Уже сейчас оглядываясь назад, а также, смотря на своих детей, я прихожу к выводу, что дедушки и бабушки в воспитании детей играют не меньшую роль, чем родители, а в некоторых вопросах даже может быть и большую.

Кто же были мои дедушки и бабушки, и что я о них знаю? Знаю о них я очень мало. В памяти остались воспоминания о них родителей, сестры и родственников. Воспоминания начну с родителей отца.

Родители отца жили в начале в селе Ягодное, а потом в деревне Мало-Ягодинка. Это была простая крестьянская семья. Моего дедушку звали Фёдор Арсениевич, бабушку – Варвара Егоровна. Дедушка хорошо пел. Его часто приглашали на свадьбы и другие увеселительные мероприятия. Он принимал участие в первой мировой войне. Был связистом. За спасение попа был награжден георгиевским крестом. Дедушка принимал участие в строительстве железной дороги в Средней Азии. На заработанные деньги в двадцатые годы в Зелёном луге был построен дом, который простоял до 1952 года. В тридцатые год работал в колхозе. Во время войны связь с ним была потеряна. Дальнейшая его судьба неизвестна. Бабушка, Варвара Егоровна, умерла в 1945 году. Ей не было ещё и шестидесяти лет.

О родителей мамы знаю ещё меньше. Жили они в селе Муравлянка. Дедушку звали Петр Иванович. Он служил в церкви. Был старостой. О бабушке вообще ничего не знаю. Мама о ней почему-то почти не вспоминала. О дедушке она вспоминала чаще. Может быть потому, что в нашем доме висел большой портрет дедушки. Многие считают, что мой брат Володя похож на него.

Дедушки и бабушки жили в период революционных преобразований в обществе. Они могли бы много рассказать о том времени. И как жаль, что они не дожили до моего рождения и ни чего не могли мне рассказать. Но то, что они в той борьбе не шли против революции и против народа – это факт.

Родители

Мои родители вышли из простого народа. Вместе с простым народом они прошли трудный жизненный путь. Прошли его честно, как и миллионы людей того поколения. Я благодарен моим родителям в двойне. Во-первых, за то, что благодаря родителей я появился на свет. Во-вторых, за то, что они привили мне такие качества, как честность, любовь к родине и к простому народу.

Папа, Осипов Илья Фёдорович, родился 29 июля 1910 года в селе Ягодное. Мама, Соловова (девичья фамилия) Александра Петровна, родилась в с. Муравлянка 19 апреля 1912 года. Поженились они 1 марта 1932 года. До свадьбы папа несколько лет работал в Москве на стройке. Работал на земляных работах, затем каменщиком. В 1932 году папа был призван в Красную армию. Служил три года в г. Воронеже в НКВД. Часть была специализирована по борьбе с бандитизмом. В этом же 1932 году в декабре месяце родилась у них дочь – Маша. Демобилизовался из армии он в 1935 году. После демобилизации работал на железной дороге в Савёлове, а затем на Большой Волге, Московской области. Мама работала на авиационном заводе. В 1939 году родился у них сын – Володя. Жили они в двухэтажном деревянном доме. Имени комнату. Сейчас на этом месте на Большой Волге стоит бензозаправка. На Большой Волге жила и мамина сестра с мужем и двумя детьми. Перед войной её муж был арестован (был репрессирован). Умер он в тюрьме. Папа собирался строить дом, но, началась война, и планы были нарушены. Маме пришлось возвращаться на родину. Многое ей пришлось пережить за годы войны. Одна с двумя маленькими детьми и больной свекровью. Кто знает крестьянский труд, тот поймет, как было ей трудно. Папа всю войну прошёл с железнодорожной бригадой от Урала до Германии. Был контужен. После войны работал ещё год в Польше. В 1946 году вернулся на родину и работал на железной дороге. Родители на Большую Волгу не вернулись из-за того, что во время войны железнодорожная ветка от Большой Волги до Соревнования была разобрана во время войны, а папа переходить на другую работу не захотел. В 1949 году у них родился второй сын – это я, Александр. В начале пятидесятых годов они построили новый дом. Папа продолжал работать на железной дороге кондуктором, главным кондуктором, бригадиром путейной ремонтной бригады, стрелочником. На пенсию ушел в 1965 году. С 1965 года работал в колхозе разнорабочим. Папа работал честно. Ежегодно имел поощрения за хорошую работу. Был награжден медалями: за победу над Германией, за доблестный труд в Великой отечественной войне, за доблестный труд, за отличие в труде. Министерством путей сообщений СССР награжден значком «Ударник сталинского призыва». Руководством дороги Литовской награждён значком «Отличный движенец». Руководством паровозной колонны №7 особого резерва объявлены две благодарности. Министром путей сообщения СССР генерал-лейтенантом И. Ковалёвым объявлена благодарность за честную службу в годы войны. Имел много поощрений. Был простой. Когда я был маленький, всегда с работы привозил гостинец. Для нас детей ни чего не жалел. Характер был вспыльчивый. Если что делал, то лучше было ему не советовать, не любил, если вмешиваются в его дела. Не любил идти кому-либо на поклон. В тоже время с охотой помогал другим. У папы была отличная память. Когда был помоложе он не любил вспоминать и рассказывать нам о прошлом. А вот в пожилом возрасте он с охотой рассказывал о детстве, о войне, о родителях и т. д. И что всегда поражало – это его память. Помнил он до мельчайших подробностей. Вспоминал не только год и месяц, но и дату. Он закончил четыре класса в 1924 году. Да, с его умом, честностью, исполнительностью и дисциплинированностью мог бы иметь другую трудовую биографию. Хотя, я ему завидую, что он имеет такую трудовую биографию. Умер он 11 сентября 1996 года.

Мама также работала честно. Она всё время работала в колхозе. Работала в полеводческой бригаде и телятницей. Но в начале шестидесятых годов у неё ухудшилось здоровье. Лежала в областной больнице, где лечили ей ногу. Кроме того, у неё было высокое давление. Ей дали инвалидность – третью группу. В семидесятые годы в колхозе почти не работала, но много работала по дому. Всё домашнее хозяйство было на её плечах. В работе любила аккуратность. Ярко запомнилось, как нежно ухаживала она за садом. У яблонь осмотрит каждую веточку. Где подвяжет. Где подставит подпорку. Было такое ощущение, что она ухаживает за ними, как за детьми, и о чем-то с ними разговаривает. Любила рукоделие. Для нас кое-что шила на машинке, пряла и вязала, хорошо умела готовить еду, дома всегда поддерживала чистоту. Мама окончила два класса школы. Умела читать, писать и считать. Читать любила, но свободного времени было мало, и поэтому читала мало. Была очень любознательна. Характер у мамы был спокойный, я не помню, чтобы она когда либо повышала на кого-то голос. Не любила обмана и несправедливости. Была рассудительна. Всегда старалась помочь простым людям. Мама умерла 30 октября 1980 года.

Да, родителям выпали трудные годы, но они честно несли свой долг перед обществом. Они выполнили долг и перед нами – детьми. Они воспитали нас, всё сделали для того, чтобы мы получили образование. Я горжусь своими родителями.

Сестра и брат

У родителей я был третий и последний ребёнок. Поэтому на моё воспитание, на выбор жизненного пути, во многом оказали сестра и брат. Они были на много старше меня, и я старался во многом быть похожим на них. Они были для меня маяком, и я старался от них не отставать. Постоянно приходилось ощущать их заботу обо мне.

Сестра, Мария, родилась 2 декабря 1932 года в деревне Мало-Ягодинка, Сараевского района, Рязанской области. Папа в это время служил ещё в армии. После службы в армии он и мама работали в Савёлове, а затем на Большой Волге. Сестра в это время жила в Мало-Ягодинке с папиными родителями. Она о них всегда вспоминала с любовью. После школы окончила Моршанский педагогический техникум по специальности учитель математики. После техникума работала несколько лет в Дагестане. Преподавала в аульской школе. Хорошо помню её посылки из Дагестана, полные деликатесов. По окончании работы в Дагестане один год жила с родителями. Это был 1956—1957 год. Она много рассказывала о Дагестане, читала книги и любила их пересказывать. Особенно запомнился её рассказ о романе А. Дюма «Граф Монте-Криста». Она его пересказывала маме. Я также любил слушать. Мне она рассказывала сказки. Сестра много вышивала, часто готовила деликатесы. Особенно мне нравился пирог «Наполеон». За этот год я много впитал хорошего от сестры. Её воспитательные «камушки» явились как бы первыми камушками в формировании у меня своих жизненных принципов. В 1957 году она вышла замуж за Романова Виктора. Они дружили ещё со школы. Потом он уехал в Свердловск, и они несколько лет переписывались. Летом 1957 года он с братом приехали к родственникам, и он женился на Маше. Сестра уехала жить в г. Свердловск. Жили в коммунальной квартире вместе с Викторовыми родителями. Свекор был на инвалидности. Имел инвалидность первой группы. У него отнялись ноги, и он был прикован к кровати. Сестра работала в вечерней школе. Через несколько лет они получили двухкомнатную квартиру, а затем и четырехкомнатную. Родила двух сыновей: Михаила и Сергея. Каждый год приезжала летом в отпуск. Жила у родителей по два месяца. Я очень ждал её приезда. Мне с ними было намного интереснее. С Виктором ходили на рыбалку и в лес за грибами. Много помогали и по дому: косили сено, красили, строили, стерегли коров, овец, гусей и т. д. Сестра каждый год варила много варенья себе в Свердловск. Особенно много варила вишнёвого, а мы любили снимать, и есть пенку. Последние годы стала болеть. В год смерти мамы первый раз за всё время даже не приехала в отпуск. Умерла в 49 лет, через год, после смерти мамы. Для нас это стало большой потерей. Сестра была связующим элементом. Она не только ездила каждый год в отпуск к родителям, но была и у меня, и у брата. Она всегда поддерживала с нами связь и письмами. С каждым годом мы всё больше стали ощущать, как её нам не хватает.

Брат, Владимир, родился 1 августа 1939 года в г. Большая Волга (Дубна) Московской области. С лета 1941 года жил в деревне Мало-Ягодинка. Начальную школу окончил в Мало-Ягодинке, семилетку – в Мордове, десятилетку – в Муравлянке. После школы поступал в Рязанский радиотехнический институт, но не прошел по конкурсу. Два года отработал в колхозе на ферме, затем поступил в Рязанский сельскохозяйственный институт. После окончания института работал инженером-механиком в совхозе Варские-Шумашь, затем главным инженером в совхозе Мурмино, а затем там же директором совхоза. Директором работал где-то с 1966 года по 1988 год. В 1988 году по личной просьбе перешел работать инженером по технике безопасности. Затем работал заместителем директора и с 2000 года ушел на пенсию. Женился, кажется, в 1960 году В жёны взял Марию Дмитриевну Малютину из Сталинска (из соседней деревни). Имеет сына. Сын, Владимир, окончил Рязанский медицинский институт, и работает хирургом в областной больнице. Брат хорошо играл на гар-

мошке, когда работал директором, научился играть и на баяне. От него немного научился играть на гармошке и я. Но особого желания играть у меня не было. Брат на всю жизнь сохранил правило: ежедневно делать гимнастику. Я стремился во многом быть на него похожим. Когда он работал в колхозе я вставал вместе с ним в шесть часов утра, делали с ним гимнастику и шли на ферму. Брат попадал и в экстремальные условия. Порой был на грани смерти. Вот только один случай. Это произошло летом в начале шестидесятых годов. Брат помогал тестю заготавливать сено. В один из летних дней, когда стал собираться дождь с грозой, они с тестем поехали на лошади за сеном. Дорогой их захватил дождь. Началась гроза. В одном месте, где была канава с водой, тесть решил спрыгнуть с телеги, и посмотреть переедут они или нет. Но брат его остановил, мол я помоложе, и, спрыгнув, побежал к канаве. Отбежав всего несколько метров, раздался сильный удар молнии. Брат упал. Встав и оглянувшись назад, увидел, что лошадь лежит на земле, а рядом с телегой лежит и тесть. Тесть погиб. Смерть обошла брата. Можно сказать, что он родился в рубашке. Брат любил свою работу. Работе отдавался полностью. Работал честно и уважал, кто честно работает. Был требовательным. Родители, сестра и я переживали за него. Радовались, когда у него все шло хорошо. Морально пытались помочь ему в трудную минуту. Брат всегда верил в преимущество социализма. В тоже время видел много недостатков в существующей системе хозяйствования. Видел, что социализм начинают подменять чем-то другим. Переживал, что многое зависит не от него, и поменять в лучшую сторону ему не удастся. Видел многие недостатки в народном хозяйстве. Делился мыслями с нами, как бы пытался отвести душу. Кажется, это ему помогало. Да, если бы все так работали как брат, то жила бы страна на много лучше. Мне, кажется, что брат не раскрыл себя полностью и в этом повинна система подбора и расстановки кадров. Я всегда считал и считаю брата сильной личностью.

Дошкольные годы

Мои дошкольные годы пришлись на последнии годы правления И. В. Сталина и начало правления Н. С. Хрущева. Это были годы укрепления социализма в нашей стране и становления социализма в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии. Мы были детьми послевоенного времени. Это время оказало влияние на наше воспитание. Оказало влияние на наше воспитание и та среда, в которой мы росли. В деревне не было ни яслей, ни детского сада. Улица – она нам заменяла детские учреждения. Родители уходили на работу, а мы оставались одни. Часто брала меня на работу мама. Особенно запомнилось время, когда мама брала с собой на уборку картофеля. Женщины звали меня бригадиром. Я брал с собой тетрадь и карандаш, и записывал трудодни. Женщинам пёк картофель. Мужчины катали меня на лошади. Картофель выкапывали ещё под соху, и возили её на телегах. Техники ещё не было. Но народу в деревне было ещё много, и убирали урожай без помощи горожан. Когда мама работала телятницей, я ходил вместе с ней на телятник, помогал ухаживать за телятами. Детство проходило среди взрослых. Взрослые к нам, детям, относились хорошо. Но часто собирались мы с ребятами вместе и играли в игры. Самыми распространенными тогда были игры: русская лапта, футбол, прятки, догонялки, военные игры и много других народных игр. Играли всегда с большим желанием. В игры играли помногу, так как других развлечений почти не было. Кинофильмы привозили редко, телевизоров ещё не было, не было и приёмников.

Когда привозили кинофильм – это был праздник для всех. Я хорошо запомнил, как мне не пришлось посмотреть индийский кинофильм «Бродяга». Кинофильм показывали в каком-нибудь доме. Приезжала кинопередвижка, устанавливали в доме аппаратуру и нам показывали кинофильм. Киномехаником на кинопередвижке работал мой двоюродный брат по маминой линии – Иван. Однажды он привез кинофильм «Бродяга». До начала кинофильма был у нас в гостях. Меня угостил конфетами «горошек», долго качал меня на качелях. И, видимо, укачал. Я уснул, а идти на кинофильм меня не разбудили. Я долго очень сожалел, что не посмотрел этот кинофильм. Да, в этот день я переел конфет «горошек» и у меня надолго было к ним отвращение. Но появилось желание курить. Рассказывали, что когда мама брала меня в магазин и предлагала купить конфеты, я говорил, что конфет не надо, а требовал купить папиросы. Но всерьёз ни когда не курил.

Остались в памяти детские впечатления о радио. Громкоговоритель весел в горнице. Это был большой конусный черный динамик. Меня всегда мучил вопрос: как он разговаривает? В голове рождались всевозможные вымыслы. Иногда радио наводило на меня и страх. Это было тогда, когда я оставался дома один, особенно вечером, а по радио делал сообщение или передавал новости диктор Левитан. Его голос вызывал даже мурашки по телу.

Хорошо помню свой первый трёхколёсный велосипед, который купил мне папа. Велосипед из трехколёсного переделывался в двухколёсный. Ездить на двухколёсном велосипеде учил меня брат. Учился ездить с приключениями. Я уже стал ездить один, но ещё не умел поворачивать. И вот однажды, когда набрал скорость, велосипед покатил меня к забору, где была густая крапива. Увидев крапиву, руки ещё более одеревенели. Я не мог ни свернуть, ни затормозить. Въехав в крапиву – я упал. Был я в одних трусах. Всё тело пронзило, как ошпаренным кипятком. Это приключение на несколько дней отшибло желание кататься на велосипеде. Но сила желания победила страх, и я снова стал кататься. Катался на велосипеде без страха. За что мне дали кличку: «Сорви голова».

Это было самое беззаботное время. Мы радовались каждому новому дню, потому что он открывал для нас новый мир. Радовались и родители за наше детство. Мы были детьми послевоенной поры. Поэтому родителям мы доставляли меньше забот с питанием и одеж-

дой. Мы не знали, что такое голод. Нас часто баловали гостинцами. Народ стал лучше жить. Появилась уверенность, что жить будет ещё лучше. В годы войны и тяжёлые послевоенные годы народ жил, в основном, одной заботой – выжить. Но после того, как он выжил, у него стали пробуждаться другие потребности: воспитание детей, повышение культурного образования, тяга к знаниям. Познав трудности, они старались сделать всё для своих детей, чтобы они в своей жизни меньше бы видели трудностей, и жизнь была бы более счастливой, чем у них.

Учёба в начальной школе

1957 год был особый для нашего народа и всего человечества. В октябре был запущен первый в мире космический спутник земли. Пионером в освоении космического пространства стала наша страна. Это был великий подвиг нашего народа. Народ ликовал. Наступила эпоха освоения космического пространства.

Для меня 1957 год также был особый. В этом году я пошёл в школу. Начальная школа находилась в нашей деревне. Школа была не большой. Все школьники четырёх классов занимались вместе в одном классе. Со всеми одновременно занималась одна учительница. Классы были малочисленные. При школе было подсобное хозяйство. Разводили кроликов, растили сад, выращивали овощи. В школе была школьная библиотека. В школе проводили колхозные отчётно-перевыборные собрания. Интересно проходили новогодние праздники. Я всегда принимал в них активное участие. В четвертом классе был дедом морозом.

Начальная школа для меня была храмом знаний, где я научился писать, читать, считать и получил другие знания.

Школа прекратила работу где-то в семидесятые годы, потому что учить уже было некого. Школу разобрали. Сохранился частично только сад и деревья. Сохранились и мои тополя, которые были когда-то посажены моими руками.

Кладом знаний и душой школы был учитель. Моим первым учителем была Тырина Екатерина Захаровна. Женщина среднего возраста, высокая, стройная, на лицо – красивая, с мужскими чертами и мужским оттенком в голосе, строгая и требовательная. В школе она работала до пенсии. В 1969 или в 1970 году у неё умер муж – Сергей Иванович. Когда ушла на пенсию – вскоре уехала в Рязань. В Рязани жили её дети: две дочери и сын. В конце восьмидесятых годах у неё неожиданно умирает младшая дочь.

В третьем классе нас учила Ельцова Валентина Ильинична. Жила она в селе Ягодное. Отец у неё работал учителем физики в Мордовской семилетней школе. Он преподавал моей сестре и брату. Валентина Ильинична работала в нашей школе один год. Она была по характеру намного мягче, чем Екатерина Захаровна. В жизни я больше с ней не встречался. Но пришлось учиться в Муравлянской средней школе с её младшими сестрами: Верой и Любой. Вера на один год закончила школу вперёд меня, а Люба на один год позже. Я ближе всех был знаком с Верой. Она после школы поступила в Рязанский медицинский институт. Когда я учился в Рязанском радиотехническом институте, мы иногда встречались. После института Вера распределилась в г. Свердловск. Там она поддерживала хорошие отношения с моей сестрой.

Первые наши учителя. Они дали нам первые знания по русскому языку, литературе, математике, истории и другим предметам. Они пытались определить наши способности и раскрыть их. Так они заметили мои небольшие способности по рисованию. Стали привлекать меня к оформлению в школе. Один раз принимал участие в смотре рисунков в Муравлянской средней школе и занял там призовое место. Эти небольшие успехи разожгли во мне страсть к рисованию. Рисовал я много. Рисовал с натуры, с картин и по воображению. Жаль, что рисунки не сохранились. В то время не задумывались о том, что уже в зрелом возрасте было бы интересно их посмотреть.

Во время учёбы в начальной школе появились и первые настоящие друзья. Первым моим другом с которым я дружил ещё до школы был Мамонов Сергей. Он был на полтора года моложе меня. В школу пошёл на один год позже меня. За время дружбы я не помню, чтобы мы с ним когда-то конфликтовали. По характеру он был на много спокойней меня. Был в отца: такой же спокойный и невозмутимый ни к чему. Внешне, пожалуй, больше был похож на мать. В физическом развитии немного отставал от меня, но в десятом классе и за время

службы в армии, резко увеличил рост и вес, обогнав меня. Многое у нас в жизни совпадало. Так одинаковые были увлечения радиолюбительством и фотолюбительством. Он и я закончили парашютную школу. Служили в воздушно-десантных войсках специального назначения. Только я в Германии, а он под Рязанью. Но в дальнейшем наши дороги стали расходиться, стали реже видеться, а после того, как я уехал в Запрудню, наши встречи стали ещё реже. У него жизнь сложилась несколько необычно. Он жил у двоюродного брата в Рязани. Двоюродный брат был женат на женщине, у которой уже был ребёнок. От него она родила второго. Через несколько лет двоюродный брат умер. Сергей незаметно сошёлся с этой женщиной. Своих детей у него не было.

Вторым другом детства, с которым я подружился, учась в начальной школе, был Лескин Павел. С ним у меня была наиболее романтичная дружба. Он был на один год старше меня. Рос он в многодетной семье. У родителей он был первым ребёнком. Жил в деревне Левонтевка, которая находилась на расстоянии одного километра южнее нашей деревни. Павел был первым ребёнком, а потому ему приходилось много помогать родителям. С детского возраста помогал отцу пасти скот. Отец пас скотину у колхозников, а затем пас коров в колхозе. С Павлом нас объединяли общие увлечения. Он и я любили читать книги, одновременно увлекались радиолюбительством, занимались фотолюбительством, любили играть в шахматы. Павел был любитель фантазировать. С ним у меня была самая крепкая дружба. Дружба не угасла и тогда, когда он учился в Мордовской школе, а я в Муравлянской. В Муравлянской школе он учился один год в девятом классе, а затем поступил в ГПТУ в посёлке Запрудня Московской области. Интересно распорядилась судьба со мной: после окончания института по распределению я приехал работать в Запрудню. Да, и вообще мы с Павлом всегда были почти рядом. Я учился в Рязани – он там же работал в милиции. Потом он переехал работать в Москву, а я переехал работать в Московскую область. В Москве он женился. Имеет двух сыновей. Очень жаль, что последнее время из-за занятости стали редко встречаться. Но о Павле, о времени проведённом вместе с ним я часто вспоминаю. С ним всегда было интересно проводить время. С ним можно было говорить на разные темы, и, учитываю его умение фантазировать, приятно было вместе с ним окунуться в мир фантазии. С ним я много времени проводил за шахматной доской. Благодаря его я стал увлекаться радиолюбительством.

За годы учёбы в начальной школе крепкая дружба завязалась у меня с Воронковым Володей. Он на три года был старше меня. Он также как и Павел был из простой многодетной семьи. Но в отличие от Павла он был у родителей последним ребенком. Отец Володи и отец Павла вместе пасли скот, а потому и им часто приходилось пасти скот вместе. Володя был смелым и сильным парнем. У меня порой складывалось мнение, что он не имеет чувства страха. За его смелость ему дали кличку «Лётчик». Эта кличка осталась за ним на всю жизнь. Хотя имел кличку «Лётчик», но с детства он мечтал и жил морем. Он много книг читал о моряках и море. Эта любовь к морю и к людям морской профессии от него перешла и ко мне. Ещё учась в начальной школе, мы зачитывались книгой Вилиса Лациса «Бескрылые птицы». Мечта его сбылась. После седьмого класса он поступил в мореходное училище и на всю жизнь связал себя с морем. Поступил в мореходку, несмотря на то, что перед этим сломал несколько шейных позвонков. Нырял в воду на речке и, не рассчитав, врезался головой в землю. Висел на волоске от смерти. Из-за того, что позвонки срастались неверно, несколько раз их ломали по-новому. И всё же они срослись не совсем удачно, в последствие он ещё ломал их. Володя любил играть на гитаре и хорошо пел песни. В нашей деревне он был первым гитаристом и лучшим исполнителем песен.

В конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов в песенном репертуаре мальчишек было много песен пришедших из тюрем. Эти годы пришлись на хрущёвскую оттепель. Из тюрем много было выпущено людей, репрессированных в сталинские годы.

Хорошие отношения у меня были и с другими ребятами. Но с Сергеем, Павлом, Володей у меня были наиболее тёплые отношения. Нас объединяли общие интересы, у нас было много общего и в характерах.

Первые школьные товарищи. Воспоминания о той дружбы всегда приятны. Эта дружба была особенно кристально чистой и крепкой, потому что она кристаллизовывалась на примерах дружбы революционеров, героев гражданской и отечественной войн. Мы воспитывались также и на сказочных героях.

Впервые через прочитанные книги мы стали открывать для себя сказочный мир и историю нашей страны и мира. Благодаря книги мы стали лучше разбираться в людях. С каждой прочитанной книгой для нас становилось ясней: что такое хорошо и что такое плохо. Книга – великий учитель. Жажда к чтению книг у меня началась в начальной школе и сохранилась на всю жизнь. Любил ходить в библиотеку и книжный магазин. По долгу рылся в книгах. И этот процесс приносил мне много радости. Я был записан в нескольких библиотеках. Когда учился в Муравлянской средней школе – был книгоношей: обеспечивал нашу деревню книгами. Родители давали мне иногда деньги, чтобы я в школе покупал и ел пирожки. Я эти деньги экономил и покупал на них книги. С начальной школы я стал создавать свою домашнюю библиотеку. До службы в армии была собрана неплохая библиотечка. В ней, кроме художественной литературы, было много технической, особенно по радиотехники. Но во время службы в армии мою библиотеку родители отдали для пополнения колхозной библиотеки. Так закончила своё существование моя первая библиотека, которую я создавал десять лет. После армии пришлось создавать библиотеку снова.

В начальных классах стал появляться интерес к новым увлечениям и играм. Больше тянуло уже к шашкам, домино, шахматам. То есть от игр, где требовалась сила, ловкость и выносливость, всё больше стало тянуть к играм, где требовалась тренировка ума. Из всех этих игр мне больше всего нравилось играть в шахматы.

Больше всего в начальных классах я увлекался рисованием. В школе оформлял уголок «Октябрёнка» Принимал участие в смотрах на лучший рисунок – был призёром. Рисовал много, но, к сожалению, ни чего не сохранилось. Как-то не думал о том, что эти рисунки надо сохранить. Конечно, сейчас было бы интересно через свои детские рисунки проследить, что меня больше всего волновало. Ведь, как правило, человек через рисунок передает свой внутренний мир: чем он живёт, что его волнует и беспокоит. Моим любимым художником был Суриков В. И.. Любовь к нему у меня сохранилась на всю жизнь. Любовь к рисованию стала угасать где-то с восьмого класса, когда стал увлекаться радиолюбительством. Но в определённые промежутки времени во мне вновь загорал огонёк прежней любви к рисованию. Видимо, самые первые серьезные увлечения остаются у человека надолго, а может и на всю жизнь.

Немного увлекался я ещё игрой на гармошке. Гармошка осталась от брата. Слух у меня был не важный, да и особого желания играть не было. Но всё же немного играл. От игры получал заряд бодрости. Музыка: она как наркотик пьянит человека, придает ему силы и уверенности.

Любил я также слушать патефон. Патефон оставила нам после работы в Дагестане сестра. Много было пластинок. Было много хороших песен и задорных частушек. Очень часто приходили слушать патефон знакомые и ребята. Особенно любили слушать в летние тихие вечера. Из-за открытого окна мелодия разносилась по всей нашей небольшой деревни.

На годы учёбы в начальной школе пришлось и моё первое длинное путешествие. На зимние каникулы я с отцом ездил на поезде к сестре в Свердловск. Из Свердловска заезжали в Москву. В Москве были у тёти Паши. У неё я впервые увидел телевизор КВН с линзой. Ходили в Мавзолей. В это время в мавзолее находились Ленин В. И. и Сталин И. В. Ходили в кремль. Из Москвы заезжали в Красноармейск к Маше, моей двоюрод-

ной сестре по маминой линии. От этой поездке у меня осталось очень много впечатлений. Впервые увидел для себя очень многое. Это и большие города, и Кремль, и Красную площадь, и мавзолей, и метро и многое другое. И всё это первый раз в жизни. Поездкой я был очень доволен.

Начальная школа дала нам основы знаний. Первичные накопления. Что-то и не успели познать, и усвоить. Но впереди нас ждала средняя школа. Она раскрывала перед нами двери в ещё более светлые храмы знаний. А это уже новая страница в моей жизни.

Учёба в средней школе

1961 год. Год начала покорения человеком космоса. Двенадцатого апреля впервые в Мире наш Юрий Гагарин полетел в космос. Он сделал один виток вокруг земли. В августе, второй советский человек – Герман Титов, семнадцать раз облетел вокруг земли. Этот год был годом великого начала освоения человеком космоса. Наша Родина ещё раз удивила весь мир своими великими достижениями в науке и технике. Героический советский народ вписал ещё одну яркую страницу в историю Человечества.

Каждый мальчишка мечтал стать космонавтом. В этот период мы ещё больше стали мечтать о будущем, о полётах на другие планеты. Увлеклись фантастикой. Любимыми книгами стали книги из серии «Фантастика». С нетерпением мы ждали новых новостей о полётах в космос.

В 1961 году я пошёл в пятый класс в Муравлянскую среднюю школу. Муравлянская средняя школа находилась в пяти километрах на северо-западе от нашей деревни в селе Муравлянка. Село – бывший районный центр. На базе села Муравлянка был создан колхоз «Светлый путь». Кроме того, в селе были построены: молокозавод, электростанция, радиоузел, средняя школа, больница, баня, столовая, магазины (продовольственные, промтоварный, хозяйственный, книжный), пекарня. В здании бывшей церкви работа клуб и библиотека. Работал сельский совет. Это было крупное село с развитой инфраструктурой.

Школа размещалась в двух зданиях. В старом здании учились с первого по пятый класс, в новом – с шестого по десятый. При школе был интернат, мастерские, учебное поле. В сравнении с начальной школой было немного непривычно: в классе было учащихся больше чем во всех классах нашей начальной школы, по каждому предмету был свой учитель, в начальной – одна учительница на все предметы. С пятого класса по восьмой класс я учился в «а» классах, с девятого по десятый – в «б» классах. Два или три года мы учились при директоре школы, который преподавал по истории. Ходил он чаще всего в гимнастёрке и галифе, был добрый, но в тоже время не очень был доступен. Держался не только по отношению к ученикам, но и учителям более высоко. После того, как его перевели работать в райком партии, на его место прислали другого – он преподавал физику и астрономию. Был менее воспитан. Первая его реформа, которая обострила отношения с ним не только учеников, но и учителей – это создание единой раздевалки. До него все раздевались в классах. Конечно, это было не совсем эстетично, но все привыкли, и ни кто не хотел раздеваться в общей раздевалке. Может быть надо было разъяснить ученикам с позиции эстетики и культуры, но он молча приказом поломал сложившийся порядок. Делал он правильно, но метод был выбран не совсем верный. В результате произошёл конфликт. Многие ученики демонстративно какое-то время раздевались в классах. В целом он был не плохой директор и педагог.

Очень требовательным был завуч школы – Лызлова. Она пришла в школу где-то в конце 1961 года. Её мужа назначили председателем колхоза «Светлый путь», и они переехали жить в Муравлянку. У них было трое детей. Старшая, Катя, училась в нашем классе. Завуч преподавала историю. Преподавала хорошо, была очень требовательна. Но был у неё и существенный недостаток: у неё были свой любимцы, которых она чаще других спрашивала, давала им возможность развивать себя, а остальными занималась как бы между делом.

Первым моим классным руководителем была Соколова Анна Никитична. Она преподавала немецкий язык. Ей порой было с нами очень тяжело. Класс наш был озорной. Часто выводили из терпения учителей. Выводили и Анну Никитичну. Она пыталась на нас воздействовать через родителей, но не на всех это действовало. Анна Никитична была местная, а так как моя мама была из Муравлянки, она её хорошо знала. Но так как наша деревня находилась от школы в пяти километрах, то с мамой она встречалась очень редко.

С точки зрения воспитания для меня, пожалуй, больше всех дал второй мой классный руководитель с девятого по десятый класс – Пахомов Александр Михайлович. Он преподавал физику. Заочно учился в институте. Преподавал средне, но умел привлечь внимание к предмету не столько своими знаниями, сколько манерой преподавания. Был доступен. С ним можно было беседовать как со старшим товарищем. Много доверял ученикам. Так, в радиокружке, который он вёл, мне доверял вести занятия.

Хорошим учителем была Соловова Клавдия Степановна. Она преподавала математику. Прекрасно разбиралась в математике. Была очень требовательна. С середины девятого класса, вместо Клавдии Степановны, нам стала преподавать новая учительница по математике. Её направили в нашу школу после окончания института. Она также отлично преподавала и любила свой предмет. По-моему с её приходом мы все стали больше любить математику.

Русский язык и литературу преподавал муж Анны Никитичны – Соколов Григорий Герасимович. Преподавал хорошо. Будучи сам немного артистичным, ему легко было преподавать литературу. Подмечал в каждом из нас что-то смешное и любил разыгрывать нас.

Требовательным учителем была преподаватель географии Ожерельева Ксения Степановна. Она хорошо разбиралась в географии, но почему-то особой любви к предмету у нас она не пробудила.

Рисование, а затем и черчение преподавал Соловов Алексей Алексеевич. Он хорошо рисовал сам, любил рисовать, любил живопись. Любовь к прекрасному стремился привить и нам. В школе он создал картинную галерею. Мне, кажется, она у многих учеников оставила частицу прекрасного в сердце.

Физкультуру вёл Москвитин Василий Петрович. Бывший фронтовик. Имел много боевых наград. Майор в отставке. Офицерская выправка в нём виделась во всём.

В общем, все учителя были неплохие педагоги и люди. Конечно, этому их обязывала среда, в которой они жили. Они были у всех на виду. По образованию они были самыми образованными людьми в селе. Они были цвет села. Это понимали и жители села и они сами. В меру своих сил они стремились прививать у жителей любовь к культуре. Для многих учеников учителя помогли выбрать профессию. Порой не родители, а именно учителя стали советниками в выборе дороги жизни. Не легкая это миссия – быть учителем. Авторитет учителя во многом определялся уровнем профессиональной подготовки, уроками жизни, которые ему пришлось пройти, а также его гражданской позицией. Я считаю, что нам повезло на учителей. Они дали нам не только знания, но и частицу своей души.

В средней школе у меня появились и новые школьные друзья. Друзья. По каким критериям люди сближаются и становятся друзьями? Таких критериев много. Люди могут сближаться на общих интересах – спорт, рыбалка, радиолюбительство, искусство и т. д. Сближает людей и одинаковые характеры, и взаимоподдержка, и защита слабого и т. д. Но порой бывает так, что между людьми ничего общего нет, а они друг без друга жить не могут, и на оборот – много есть общего, а они не могут видеть друг друга. Так что же сближает людей? Видимо есть какие-то невидимые силы, которые идут не от души, а от сердца и сближают людей. Поэтому правильно говорят: друзей не выбирают, а ими становятся. В жизни приходилось встречаться с таким примером, когда кто-то из родителей хотел и стремился к тому, чтобы их дети подружились, но из этого ни чего не получалось. Когда-то в своём дневнике я немного философствовал о любви и писал, что может быть когда-нибудь пофилософствую о дружбе, но пока к этой теме не подступал.

С ребятами я быстро нашёл общий язык. И если между собой ребята иногда давали волю кулакам, то у меня ни разу не было потасовок ни с кем. Быстрому сближению с ребятами помогло то, что я дружил с Воронковым Володей, а он в школе прославился как смелый и сильный парень. Слава о нём шла не только по нашей деревне, но и по Муравлянке.

Что стоил его поступок очистить школьный колодец. Колодец был очень глубокий, и никто не осмеливался спускаться в него даже из взрослых, а он тринадцатилетний парнишка без колебаний согласился. Выходил он победителем и при стычках с муравлянскими ребятами. Знали и о его мужестве, когда он сломал шейные позвонки. Естественно, что к такой личности интерес особый, а у мальчишек тем более. Когда в классе узнали, что я его друг, ребята ко мне потянулись с расспросами о нём, и на этой почве я быстро вошёл в доверие к ним, и мы быстро сблизились. Затем со многими из них я стал дружить. Вспоминать о той романтичной дружбе порой бывает интересно и сейчас.

Наиболее крепкая дружба связывала меня с Цинкиным Петром. Петя Цинкин был из многодетной семьи. Его отец работал начальником радиоузла. Мать не работала, воспитывала детей. Жили они в здании радиоузла. Петя был предпоследним ребёнком в семье. Они были не местными, а приезжими. От куда они приехали я не знал, да и как-то об этом мы с Петей и не вели разговор. Петя внешне и по характеру был в отца. Внешне был строен, чувствовалась сила, хотя он и не старался её показать, немного увлекался спортом, но больше увлекался радиолюбительством и фотографией. Характер был немного скрытый, но общительный, в достижении целей твёрд и упрям. Во всех классах, начиная с пятого, я сидел с ним за одной партой. Ни разу с ним не ссорились, и дружба трещины не давала. У меня с ним было много общего и в характере и в увлечениях. Петя помогал мне освоить основы фотолюбительства. Вместе познавали основы радиолюбительства. После школы наши пути разошлись, но мы продолжали встречаться и, самое главное, вели активную переписку. Петя после армии несколько лет работал милиционером на Байкало-Амурской магистрали. Затем вернулся в Рязань. Я в это время заканчивал институт. Встречались уже реже, да и интересы стали расходиться и забот у каждого стало на много больше. С болью в сердце жалел я ни один раз, что потерял связь с Петром.

Так же крепкая дружба связывала меня с Солововым Анатолием. Жил он в Муравлянке. Особых увлечений у него не было, но у него был внутренний магнит, к которому я всегда тянулся с радостью. От общения с ним я всегда получал заряд душевного удовлетворения, и как бы происходило очищение души. От общения с ним я становился светлей и на жизнь смотрел как-то по-особому. У меня всегда было ощущения того, что я всегда перед ним в долгу, мне всегда хотелось сделать для него что-нибудь хорошее. Анатолий так же тянулся ко мне. Я видел и ощущал, как он желал получить от меня душевной поддержки и доброго совета. После школы я с ним, так же как и с Петей, ещё несколько лет поддерживал связь. После армии я советом и делом помог Анатолию жениться. Он дружил ещё до армии с девчонкой из села Мордово. Девчонка жила с матерью и бабушкой. Отец – умер. Я видел, что они любят друг друга и внутренне готовы были пожениться, но сказать об этом стеснялись. И вот в этот ответственный час я помог им переступить эту робость, и они поженились. После окончания сельскохозяйственного техникума он работал инженер-механником в колхозе и жил у них. Потом переехал жить и работать в Московскую область. Вот так распорядилась судьба с моими лучшими школьными друзьями. Вспоминая о них очень жалею, что мы потеряли связи. С потерей этих связей я всё больше и больше ощущаю, что мне не хватает их для подпитки моей души.

Хорошие отношения у меня были с Солововым Юрой и Виноградовым Володей. Мы дружили до восьмого класса. После восьмого класса они поступили в профессионально-техническое училище, и наши отношения стали угасать.

С девятого класса появились новые товарищи и среди них особо надо выделить Малютина Володю и Малютина Юру. Оба они из соседней деревни Сталинское (затем Кирово). Летом с ними приходилось помогать своему колхозу в уборке урожая, так как были из одного колхоза.

Не всегда ровные отношения складывались у меня с девчатами. С пятого класса по восьмой я чувствовал с ними какую-то внутреннюю скованность. Я избегал общения с ними. Порог робости я переступил после восьмого класса. Отношения к ним у меня развернулись на 180 градусов. С девятого класса у меня сложились хорошие отношения со многими девчатами нашего класса. Но более дружеские отношения у меня сложились с Макаровой Ниной, Солововой Ниной и Фроловой Таней. Я с охотой рассказывал им придуманные истории про нашу деревню, про деревню Козловка, про то, как строили там метро и т. д. Им нравилось слушать эти фантастические истории. Хорошие отношения у нас сохранились и после школы. Когда я служил в армии, мы переписывались, и я благодарен им за то, что они своими письмами облегчали мою службу.

Годы учебы в средней школе были для нас годами повышенного романтизма. Народ был одержим выполнением программы строительства коммунистического общества. Моральный кодекс строителя коммунизма стал моральным эталоном каждого человека. Надо отметить, что моральный кодекс строителя коммунизма сыграл большую роль в формировании нового человека коммунистического общества для многих молодых людей той романтичной поры.

С начала освоения человеком космического пространства молодёжь охватила романтика освоения космоса и новых планет. Для нас было характерно то, что почти каждый стремился все свои силы и знания отдать для самых благородных дел во имя нашей Родины. С другой стороны мы стремились лучше познать: от куда мы? Мы гордились прошлым нашей Родины и завидовали дедам и родителям, что им пришлось жить в такое время. Было желание лучше узнать историю тех мест, где мы живём.

В пятом классе я, Соловов Юра, Виноградов Володя, и ещё несколько ребят решили провести раскопки на заброшенной усадьбе помещика, жившего недалеко от нашей деревни. Усадьба находилась через речку на бугре. Говорят, что помещик там не жил. Жил он в Санкт-Петербурге. А на его усадьбе жил управляющий. Во время раскопок на месте бывшей усадьбы нашли забетонированный погреб, но раскопать нам его было не под силу. В раскопках мы разочаровались, так как ничего интересного для нас мы не нашли. Это была наша первая попытка через найденные вещи прикоснуться к нашей истории. Правда, загадочный погреб ещё ни раз напоминал мне, что надо попытаться его раскопать, но со временем в этом месте стали брать очень много песка, и, видимо, разрушали и погреб. Что было в погребе для меня так и осталось загадкой.

До седьмого класса я с большим желанием увлекался рисованием. У меня было много рисунков, но, к сожалению, они не сохранились. Более системно стал изучать живопись и в первую очередь русскую. Немного увлекался игрой на гармошке. Ещё сильнее появилась жажда читать книги. Кроме чтения художественной литературы всё больше стал увлекаться технической литературой, особенно по радиотехнике. Из игр наиболее популярными становились – это футбол, волейбол, хоккей с шайбой. Мы своими силами построили в деревне футбольное поле, волейбольную площадку. В волейбол вместе с нами стали играть и взрослые. Во второй половине шестидесятых годов – это была одна из популярных игр в деревне. Игра в шахматы стала принимать для нас всё более осмысленный характер. Мы уже больше интересовались теорией, стандартными комбинациями. Любимым моим игроком в шахматы был Лескин Паша. Находили время и для других игр. А их у нас было очень много. Игры развивали в нас силу, ловкость, упорство, волю, терпение, ум.

Больше всего времени я отдавал радиолюбительству. Занятия радиолюбительством – это одна из самых ярких страниц школьных лет. В те годы увлечение радиотехникой было самым массовым для молодёжи. Это были годы бурного расцвета радиотехники. Расширялась сеть учебных заведений, строились новые заводы, появлялись новые товары: приёмники стационарные и переносные, радиолы, магнитофоны, магнитолы, телевизоры и т. д.

Первый толчок, побудивший к занятиям радиолюбительством, дал Лескин Паша. Както в нашем клубе он сказал мне, что можно самому сделать радио, который без проводов будет принимать сигналы радиостанций. Я попросил у него книгу, чтобы узнать, как сделать такой приёмник. Книга эта называлась «Юный радиолюбитель». Это была первая книга, благодаря которой я познал волшебный мир радио. С этих пор, а это было, кажется, когда я учился в шестом классе, я стал регулярно заниматься радиолюбительством.

Первый собранный своими руками детекторный приёмник. Жаль, что я его не сохранил. Да, многое, а вернее почти всё, что было сделано, не сохранилось. Сейчас, после многих прожитых лет, вспоминаешь об это с грустью. А ведь была возможность если не сохранить, то сфотографировать и сохранить фотографии. Фотографировал чаще людей, и не дооценивал вещи. А они также, как и люди, имели свою жизнь и для многих на много короче человеческой. Когда они уходят из жизни, мы по ним скорьбим также, как и по родному человеку. В отличие от человека вещи можно повторить вновь, но всё равно копия есть копия и по ценности её не сравнить с оригиналом. Первый детекторный приёмник был собран почти из всех самодельных деталей. Детектор – из лезвия от бритвы и стержня карандаша. Конденсатор – из алюминиевой фольги и бумаги. Постепенно я стал покупать и доставать у ребят детали. Со временем сделал самодельный станочек для намотки катушек со счётчиком. Сделал себе стол для занятий радиолюбительстом. От детекторных приёмников я перешёл к сборке транзисторных приёмников, затем ламповым. Вершиной радиолюбительства стала сборка простого радиопередатчика на УКВ.

Почти одновременно с радиолюбительством я увлёкся и фотолюбительством. Фотоаппарат «Смена-2» мне подарила Маша – жена брата. Помогал освоить азы фотодела школьный товарищ – Цинкин Петя. Многому меня научила книга – «25 уроков фотолюбителя». Фотографировал я много, но как-то так получилось, что чаще всего фотографировал знакомых, товарищей, родных и близких и меньше фотографировал для себя. Поэтому фотографий школьных лет, особенно первых лет занятий фотолюбительством, у меня мало.

В школе принимал участие в общественной работе. Был редактором стенной газеты, в основном, как оформитель. На конкурсах занимали призовые места. Занимался также в радиокружке. Один раз принимал активное участие в вечере «Чудеса без чудес», за что был поощрён книгой П. Проскурина «Горькие травы». В комсомол вступил в десятом классе. Вступил поздно, но в душе всегда был с комсомолом. В комсомольской жизни школы активной работы принимать не пришлось.

Приходилось принимать активное участие в помощи колхозу. Особую помощь мы оказывали в уборке зерновых, в уборке картофеля, в скирдовании соломы и других работах. Особенно нам нравилось принимать участие в уборке зерновых и скирдовании соломы. Во время уборки зерновых мы учились водить автомобиль, а на скирдовании соломы – нравилось ездить верхом на лошадях. О деньгах ни кто не думал, да и не ради денег мы работали в колхозе, а была какая-то внутренняя потребность принимать участие наравне со взрослыми в сельскохозяйственных работах. Трудиться рядом со взрослыми было и большое воспитательное воздействие на нас со стороны старших. За помощь колхозу в первый день начала учебного года председатель колхоза награждал нас ценными подарками.

Летние каникулы проходили, в основном, в работе, но мы находили время и для отдыха и развлечений. Если днём было свободное время, то старались его провести на речке. Речка была нашим излюбленным местом отдыха. Купались, загорали, ловили рыбу, да и просто любовались речкой.

Где-то с седьмого класса у меня стали складываться хорошие отношения с Котельниковым Виктором. Он был старше меня лет на пятнадцать. Приехал к нам в деревню из Москвы. За что его выслали из Москвы? Для меня этот вопрос так и остался не ясным. Было несколько версий. Наиболее распространённой была версия, что его выслали за то, что он уличил жену

в измене и крепко избил её любовника. Но в последнее время мне всё больше и больше почему-то, кажется, что его выслали за антисоветскую деятельность. Он был очень начитанный, смелый, правду мог сказать прямо в глаза. Служил на флоте и флотская выправка чувствовалась в его походке. Был высокий, стройный, красивый. В нашей деревне он женился на вдове – Витухиной Полине. Её мужа убило молнией, и она жила с дочерью. Дочь была на один год старше меня. От Виктора она родила вторую дочь – Тоню. С Виктором меня сблизили книги. Он любил читать, а я был книгоношей. Котельников сыграл определённую роль в становлении моего характера, в желании как можно больше читать и из прочитанного делать выводы.

Годы учёбы в средней школе были омрачены и тёмными полосами. В пятом классе, в день рождения пионерской организации, мне была сделана операция. На торжественной линейке у меня произошло защемление грыжи. В Муравлянской больнице пытались мне её вправить, но не удалось. Тогда меня повезли в Сараи, в районную больницу. Операция длилась около двух часов. Хорошо, что ещё успели. Если бы ещё задержали с операцией часа на два, то, как сказал потом хирург, могла бы наступить смерть. Но бог миловал.

Два раза ломал левую ключицу. Первый раз – когда играли в сопки Монжурии, а второй – упал с велосипеда.

После седьмого класса обжег глаза карбидом. Взрывали бутылки. Бутылка взорвалась у меня в руках, и карбидом залепило глаза. Больше месяца правым глазом не видел, но затем зрение восстановилось.

В десятом классе при игре в кучу-малу сорвал левый желудочек сердца.

Так что каждый год что-нибудь да случалось со мной.

После седьмого класса тяжело болела мама. У неё болела нога и было высокое давление.

Школьные годы, пожалуй, самые романтичные и светлые годы в жизни человека. Школу я закончил в 1967 году. В школе нам вручили аттестат об окончании школы. Выпускной вечер провели на дому у Сололовой Нины. Перед нами открывались двери в новую жизнь. Мы не знали, как она сложится у каждого из нас. Было тяжело расставаться со школьными товарищами. Ещё тяжелее было уезжать из родительского дома, от родителей, но мы понимали, что мы уже «оперились» и время улетать из родительского гнезда. Пожалуй, мы впервые задумались по-настоящему о смысле жизни, ни кому не хотелось прожить её без пользы обществу и Родине. Все мы были в школе по национальности русские, все были коренными жителями и нам не без различна была судьба нашей Родины. Юношеские светлые порывы летали у каждого в голове, но все понимали, что очень много на жизненном пути будет камней, о которые не один раз придется споткнуться, но юношеская лихость брала своё. Мы рвались окунуться в самостоятельную жизнь.

Глава 2. До службы в армии

«Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажды её».

(Ф. Достоевский)

«Поставь над собой сто учителей – они окажутся бессильными, если ты не сможешь сам заставить себя и сам требовать от себя».

(В. Сухомлинский)

«Жалок тот, кто живет без идеала».

(И. Тургенев)

Попытка поступить в институт

1967 год был знаменательным для нашей страны и всего прогрессивного человечества тем, что широко проходили мероприятия, посвящённые 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Вера в построение справедливого светлого общества у народа была велика.

Для меня идеи коммунистического общества были близки, и я готов был внести посильный вклад в построение коммунистического общества. Я зачитывался книгами о героизме коммунистов и комсомольцев в годы гражданской войны, построения социализма и Великой Отечественной войны. Правда, в комсомол я вступил поздно – в декабре 1966 года, но душой и сердцем с комсомолом я был на много раньше. Я считал, что комсомольцы и коммунисты = это люди особого склада, готовые в любую минуту отдать жизнь за светлые идеи. Это люди, которые свою жизнь посвящают не ради личных интересов, а интересам простого народа. Поэтому я считал, что лучше душой и сердцем быть с комсомолом, чем официально числиться в комсомоле, а на деле ни чем себя не проявлять. Я всегда был сторонником того, что не надо гнаться за массовостью. Надо иметь лучше небольшую организацию, но члены, которой были бы идейно преданы делу коммунизма, чтобы они были маяком для всех остальных людей. Я считал, что массовость приведет к постепенному разложению и стиранию граней между настоящими коммунистами и комсомольцами и обычными людьми. Организация должна быть кристально чистой и здесь ни в коем случае нельзя допускать, чтобы «ложка дёгтя портила бочку мёда». Лучше иметь отдельно ложку мёда и бочку дёгтя, чтобы все видели и ощущали разность между мёдом и дёгтем.

Для меня 1967 год был годом попытки выйти на дорогу трудовой деятельности. Но для этого я решил готовиться для поступления в Рязанский радиотехнический институт. Поступить в такой институт после окончания сельской школы было трудно. Я это прекрасно понимал, но увлечённость радиотехникой взяла верх над сомнениями. Уверенности в том, что поступлю, не было, но я решил сделать «разведку боем».

При подготовке к экзаменам мною была допущена главная ошибка – я распылил свои силы по всем предметам. Зная, что самый трудный экзамен – это письменный экзамен по математике, то надо было бы готовиться именно к этому экзамену. Тем более зная, что в школе всё же подготовка по математике была не достаточная для поступления в этот институт.

В июле месяце мне также пришлось потратить больше недели на то, чтобы получить паспорт. В то время в сельской местности паспорта не выдавали. Тем самым пытались таким способом оставить молодёжь на селе. Для того, чтобы получить паспорт, надо было получить справку из колхоза. Несколько раз я ездил к председателю колхоза Пирожкову Павлу Никифоровичу, но он под всяким предлогом справку так и не дал. Говорил, что если поступишь в институт на дневное отделение, вот тогда и дадим справку. А так как у меня не было уверенности поступить в институт на дневное отделение, я решил подготовить запасной вариант, то есть получить паспорт, а это даст возможность устроиться на работу и затем поступать в институт на вечерний факультет. После председателя колхоза, я продолжал атаковывать председателя поссовета, но опять безуспешно. Тогда решил давить на районный паспортный стол. Хорошо, что стояла хорошая погода, и я на велосипеде колесил то в Сталинск, к председателю колхоза, то к председателю поссовета, то в район, в паспортный стол. До района было 25 километров. Один день пришлось в район ездить два раза, то есть проехал более 100 километров.

В паспортном столе подсказали, что справку можно взять из школы, а не обязательно из колхоза, так как я ещё не был членом колхоза. Правда, я не был и учащимся школы.

В школе мне такую справку дали. По этой справке я получил паспорт. Это была моя небольшая победа. Я ехал в Рязань поступать в институт на дневное отделение. и у меня было подготовлено всё для поступления на вечерний факультет, но, правда, для этого надо было ещё устроиться на работу.

Заявление подал на факультет автоматизированных систем управления. Поселили меня в общежитие, но не совсем удачно. Поселили в ленинскую комнату, где было более десяти человек. Условий для подготовки к экзаменам практически не было. Всё складывалось не в мою пользу. Подготовка опять продолжалась хаотично: понемногу по всем предметам.

В конечном итоге результат, как и следовало ожидать, оказался плачевным – я завалил экзамен по письменной математике.

Встал вопрос: Что делать? Устраиваться на работу и поступать на вечерний факультет или же возвращаться домой, и готовиться к поступлению в институт на следующий год.

Уверенности в том, что поступлю на вечерний факультет не было. Если оставаться в Рязани и устраиваться на работу, то не было бы достаточно времени для подготовки в институт.

Для того, чтобы лучше подготовиться к экзаменам на следующий год, я решил возвращаться домой. Я ещё не знал, что вскоре выйдет постановление о двухгодичной службе в Армии и, кроме осеннего призыва, будет ещё и весенний призыв, и мои планы сорвутся. Но как говорят: что бог не делает, всё к лучшему.

Работа в колхозе

Вернувшись из Рязани, я решил свою деятельность направить по трём направлениям.

Первое – работа в колхозе.

Второе – помощь родителям по дому.

Третье – подготовка к экзаменам.

Наш колхоз считался одним из лучших в округе. Если в других колхозах без помощи горожан уже не могли обходиться, то наш колхоз справлялся со всеми работами своими силами.

Работа в колхозе отличалась от работы на предприятиях. Здесь не было жесткого распорядка дня. Могли работать и по 4 часа, и по 10 часов, а могли и вовсе не работать. Всё определялось необходимостью. За сверхурочные и простои не платили. Да, и такого понятия здесь не было. До 1961 года оплата была натуральной за конечный результат, а с1961 года ввели денежную форму оплаты труда. Она стала приводить к тому, что стал падать интерес в работе за конечный результат. По-моему этого делать было нельзя. Это привело к тому, что расширили границы товарно-денежных отношений в стране, усложнили финансовую стабильность и отошли от коммунистического принципа в распределении результатов труда, усложнился процесс управления в колхозах.

Реформы в сельском хозяйстве надо было бы всё же проводить не в системе оплаты туда, а в развитии социальной сферы и, в первую очередь, в строительстве индивидуального жилья с земельными участком, газом, хозяйственными постройками и так далее, чтобы условия жизни в них были лучше, чем в городских квартирах. Во-вторых, необходимо было строить хорошие дороги. В—третьих, мобилизовать молодёжь по комсомольским путёвкам на поднятие сельского хозяйства. В-четвёртых, перерабатывающие предприятия сельскохозяйственной продукции строить не в городах, а в сельской местности, тем самым, приблизив их к сырью, а также закрепив население в сельской местности. В-пятых, пропаганда преимущества жизни в сельской местности по сравнению с городской. Одним словом, должны были бы принять комплексную программу развития сельского хозяйства. Но, к сожалению, комплексной программы развития сельского хозяйства принято не было, а Постановления правительства без соответствующей финансовой, материальной и людской поддержки давали пробуксовку. Мы хоть и были ещё молодые, но видели недоработки правительства и понимали, что без настоящего поворота лицом к проблемам села через 20—30 лет мы останемся с развалившимся сельским хозяйством. Село – это кормилице общества, а к кормилице и отношение должно быть как к матери-кормилице.

В колхозе, в основном, работал на уборке картофеля и сахарной свеклы. На выращивании свеклы сохранился принцип оплаты за конечный результат, начиная от прополки свеклы и кончая сдачей в заготконтору. После посадки свеклы её делили на участки на каждого колхозника. После чего эти участки закрепляли за каждым колхозником до конца уборки. Это было плюсом в организации выращивания свеклы. Так как отношение к ней было как к своей собственной и на прополку, прореживание и уборку выходили не только члены колхоза, но и дети и приезжающие на отдых из города родственники. Отношение к работе в корне отличалось от работы на уборке картофеля. Где не было такого разделения, а работали все вместе. Естественно качество уборки картофеля было хуже. Здесь постоянно за качеством уборки наблюдал бригадир, чтобы лучше выбирали картофель и меньше пропускали.

Из молодёжи в колхозе из нашей деревни работал я один. Но мне ещё повезло в том, что из Рязани вернулся Пашка Лескин и он решил до призыва в армию несколько месяцев работать в колхозе. Ему дали автомашину-самосвал. С ним я часто возил картошку на стан-

цию, а затем и свёклу. С ним было работать намного интереснее, так как нам было о чём поговорить и поспорить.

В основном, работы по уборке урожая были закончены в начале октября. Колхоз торжественно отмечал окончание уборки. В клубе было организовано массовое гуляние. На этом массовом гуляние был и я с Пашкой. Было весело. Я был счастлив, что внёс посильный вклад в уборку урожая. После уборки урожая на работу в колхоз ходил мало. Если была какая либо работа, то всегда приходил бригадир и просил выйти на работу.

Осенью вышло Постановление правительства о двухгодичной службе в армии. Я понял, что меня могут призвать в армию в мае месяце. Стало ясно, что подготовка к экзаменам стала терять смысл. Мне не хотелось сидеть, сложа руки без дела. Я стал думать о том, а не поехать ли мне по комсомольской путёвке на какую-нибудь ударную комсомольскую стройку. Эта мысль с каждым днём всё сильнее стала одолевать меня. В один из пасмурных осенних дней я пешком пошёл в райком комсомола. Идти пришлось вдоль железной дороги. Путь был не малый – 25 километров. За эти часы, которые пришлось пройти, я всё взвешивал за и против поездки по комсомольской путёвки. В комитете комсомола меня выслушали и предложили несколько строек. Сказали, что если решишь на какую-либо ехать, то для получения путёвки надо принести медицинскую справку о том, что годен для работы на данной стройке. Дорога назад прошла опять в раздумьях. Что делать? Вопрос опять остро стоял передо мной. На другой день ходил в поликлинику, где дали справку, что годен для работы на строительстве железной дороги. Я выбрал комсомольскую путёвку на строительство железной дороги на Урале. Но поставленный вопрос продолжал меня мучить: правильно ли я поступаю? С одной стороны ещё не всё потеряно с поступлением в институт в следующем году, так как в мае могут в армию ещё и не призвать, а тогда появляется возможность поступить в институт. Поехав на комсомольскую стройку, могут в мае в армию и не призвать, тогда не подготовлюсь к экзаменам и я потеряю время. Ведь всё же моя цель – это поступить в институт. Кроме того, родители стали уговаривать остаться дома. Так как они уже пожилые, а по дому надо много помочь. После долгих раздумий я принял решение не ехать на комсомольскую стройку, а остаться дома. Свою деятельность решил направить на помощь родителям по дому.

Помощь родителям по дому

Деревенский образ жизни детей был не мыслим без постоянной помощи родителям по домашнему хозяйству. С малых лет нас приучали к постоянному труду. Практически почти в любой работе мы принимали участие.

У мамы была мечта оштукатурить избу. Она говорила, что стало тяжело мыть стены и потолок, было бы хорошо если бы мы оштукатурили избу – не надо было бы мыть стены, да и было бы теплее в избе. Брат не советовал родителям штукатурить избу – говорил, что когда изба не оштукатурина, воздух чище в избе. Родители всегда прислушивались к советам брата и согласились с ним не штукатурить горницу, а прихожую они обоюдно согласились, что желательно оштукатурить.

Вот эту давнюю мечту мамы я решил претворить в жизнь. Для этого сложилась благоприятная обстановка. Во-первых, в колхозе, в основном, была завершена работа, и у меня было много свободного времени. Во-вторых, Паша работал в колхозе водителем, и он мог помочь привезти глину и песок. В-третьих, мне и самому хотелось помочь родителям по дому в серьёзных делах. В-четвёртых, мне хотелось оштукатурить и амбар.

Я предложил родителям оштукатурить прихожую. Мама радостно заулыбалась и сказала: «Вот спасибо тебе – облегчишь мой труд». Родители уже заготовили дранку и гвозди для штукатурки. Оставалось привезти глину и песок.

За глиной я попросил Пашку съездить на машине в село Мордово. В основном, все брали глину из карьера, находящегося около села Мордово. Считалось, что в этом карьере самая лучшая глина. Песок привезли с карьера у деревни Козловка.

После того, как было всё заготовлено, я приступил обивать избу дранкой. Штукатурил первый раз и, естественно, я боялся, а вдруг всё обвалиться и ничего не получится. Но мои опасения оказались напрасными. Всё получилось хорошо.

После того, как оштукатурил прихожую, я оштукатурил и амбар. Родители были довольны. Рад был и я, что справился с работой.

Предстояла ещё одна большая работа, которую необходимо было сделать до зимы – отремонтировать колодец, а именно установить новый сруб. Материал был заготовлен: было несколько дубовых брёвен. Одному было несподручно. Поэтому наняли ещё Шатилова Алексея. Вот с ним двоём мы срубили сруб для колодца и установили вместо старого.

На этом большие работы по долгу были закончены. Было много мелких дел, но основная работа, которую просили сделать родители, – была сделана.

В это время я ещё сильнее сблизился с Пашкой. Наши отношения с ним всегда были чистыми. И вот когда он получил повестку о призыве в армию, я понял, что с самым близким другом я могу расстаться надолго, по крайней мере не менее чем на два года. На проводах были родственники, друзья и знакомые. На проводы не пришла Тоня, девчонка с которой он дружил. Паша питал к ней чистые, честные и открытые чувства, но она почему-то не отвечала ему взаимностью. Видимо, действительно, сердцу не прикажешь. Я видел, что Паша переживал, что у него не всё ладится в их отношениях. Я пытался убедить Тоню и до его службы в армии и когда он уже служил, но ни чего из этого не получилось. Тяжело было осознавать, что Паша уходит в армию с душевной травмой.

Проводив Пашу в армию, для меня появилась пустота в жизни. Свободного времени стало много, а проводить его стало всё проблематичнее. Я впервые столкнулся с таким явлением – когда не знал чем заполнить нишу свободного времени.

Свободное время

Незаметно подошла зима. В этот период на селе резко уменьшается объем работ. Практически у всех жителей появляется много свободного времени.

Много свободного времени появилось и у меня. Деревенские ребята днём ходили в школу. Пашку проводили в армию. Поэтому днём пойти было некуда. В основном жизнь стала однообразной. Стало скучно. Но чтобы как-то разнообразить жизнь и направить её по осознанному пути, я составил для себя распорядок дня, которого стремился придерживаться.

Со дня своего рождения, когда мне исполнилось 18 лет, я стал вести дневник. Хотя жизнь и была однообразной, я старался регулярно его вести. К этому времени у меня с друзьями, которые разъехались по разным городам, – завязалась переписка.

Письма —они как невидимые нити связывали нас на расстоянии. В них мы пытались раскрыть свою душу, писали откровенно. Письма были чистыми, открытыми и через них мы ещё лучше узнавали друг друга. Письма для нас были окнами: для друзей – окнами в детство и в ту обстановку в которой они жили, для меня – окнами предстоящего будущего, когда придётся уезжать с насиженного места. Что было характерно в содержаниях писем? Друзья – завидовали мне, и через строки писем я ощущал их тоску по дому. Я —завидовал друзьям, что их жизнь приняла осознанный образ и стала разнообразной. С этого времени письма для меня стали играть особую роль, они стали одним из стержней поддерживающих жизнь. Каждый день я ждал писем. Почтальон стал для меня особым человеком – встречал его с особым трепетом.

Я продолжал заниматься радиолюбительством, но больше времени стал уделять не конструированию, а теоретическим вопросам. Меня больше стали интересовать вопросы: как самому создать съемы усилителей, приёмников и т. д. Как определить назначение элементов в схеме. В этих вопросах, мне оказала большую помощь книга: «Как читать радиосхемы».

Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что свободное время, проводимое в одиночестве, стало формировать во мне стремление к размышлению и познанию. Это нашло отражение и в содержание дневника того времени. В содержание дневника всё чаще стали находить вопросы смысла жизни, дружбы, любви и т. д. Вести дневник – это вести разговор с самим собой. К сожалению, не удалось вести дневник так, как хотелось, но всё же я считаю – это не было пустой затеей и тратой свободного времени.

Чтение художественной литературы в этот период жизни стало занимать у меня много времени. Читал много, увлеченно и с желанием.

Любил я также слушать по радиоприёмнику радиопостановки и спектакли. Телевизора у нас не было, и поэтому радиоприёмник был основным источником общения с культурой, новостями и другой информацией. На интересные передачи по телевизору я ходил к Серёже Мамонову и Котельникову Виктору. Запомнились многосерийный документальный фильм к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и Парад 7 ноября. В эти годы были напряжённые отношения с Китаем. Китай грозил, что сорвёт парад на Красной площади, но парад состоялся. Он ярко продемонстрировал Миру мощь Советского Союза. Я всё больше стал задумываться над вопросом: «Почему произошёл раскол в социалистическом лагере и где корни этого раскола».

Вечерами я ходил в Ягодинский клуб. После фильма оставался играть в шахматы и домино. Иногда ко мне заходил Малютин Юра. Он также зимовал дома, увлекался охотой, немного играл на гармошке. Мы вспоминали школьные годы, друзей, строили планы на будущее.

Но вначале февраля я получил повестку: явиться в райвоенкомат, и моя спокойная жизнь закончилась. Уже стала вырисовываться моя судьба на ближайшие два года. Меня на две недели призывали на курсы ДОСААФ по подготовке парашютистов. Никогда не думал и не мечтал о парашютном спорте и о десантных войсках, и вот в моей судьбе появляется веха, которая стала отправной в моей дальнейшей жизни.

Подготовка на парашютиста

Дни до отправки на курсы парашютистов для меня стали днями ожидания встречи с неизвестным. Учитывая то, что встреча с неизвестным предстоит с риском для жизни, я всё больше стал задумываться о смысле жизни. Смысл жизни. Я не хотел прожить её в тихой гавани, а хотелось прожить с пользой для страны и своего народа. Я мечтал быть всегда в гуще основных событий, происходящих в стране.

Подготовка на парашютиста – это был для меня первым уроком мужества, который предстояло пройти. Надо было пройти его с честью. За оставшие дни я должен был подготовить себя психологически к встрече нахождения в экстремальных условиях. Мне раньше иногда приходилось попадать в экстремальные условия, но попадал в них неожиданно, а здесь я заранее знал, что меня ждут экстремальные условия. Я стремился, как можно больше услышать и прочитать о десантных войсках. С особым интересом стал слушать передачу по «Маяку» «Служу Советскому Союзу». Из писем солдат на передачу, особенно из писем десантников, я старался проникнуться их духом. В эти дни я пришёл к выводу: «Что если не я, то кто-то всё равно должен служить в десантных войсках».

Курсы парашютистов проходили под Рязанью. Разместили нас в казарме. Из нашей школы было двое: я и Истомин Саша. С Сараевского района на курсы приехало около десяти человек. Нам предстояло пройти за 12 дней теоретический курс, отработать на тренажёрах практические элементы при выполнении прыжков, научиться укладывать парашют и выполнить три прыжка с самолёта АН-2.

Теоретический курс сводился к изучению парашюта, правильно покидать самолёт, как управлять парашютом, что делать в случае не раскрытия основного парашюта и как раскрывать запасной, как вести себя в случае сближения с другим парашютистом и как правильно приземлиться.

Нас обучали два инструктора: Василий Васильевич и Галина Алексеевна. Занятия проходили интересно. Пройдя теоретический курс, мы уже знали какие бывают парашюты, из каких частей состоит, и назначение каждой части. Мы узнали, что купол сшит из перкалевой или шёлковой ткани, что он при помощи строп соединяется с подвесной системой. Мы узнали из каких частей состоит подвесная система и как она крепится к человеку. Теоретически нас научили, как при помощи четырёх лямок управлять парашютом в воздухе. Теоретически нас научили, как должны укладывать парашют в чехол, а чехол в ранец, как устанавливать приборы на автоматическое раскрытие от времени и от высоты, страхующих парашютиста в случае если он не сможет выдернуть кольцо основного парашюта. Двойная страховка: один прибор – от времени, второй – от высоты, повышал процент раскрытия парашюта. Но успешное раскрытие парашюта во многом зависело от правильной укладки парашюта. Поэтому инструктора очень внимательно учили нас укладывать парашюты, и рассказывали, где именно чаще всего допускают ошибки, которые приводят к сбоям при раскрытии, и порой даже к смертельным случаям.

Практически мы укладывали парашюты четыре раза.

Изучив парашют и, научившись его укладывать, мы приступили к следующему этапу подготовки – это техники отделения от самолёта. Нас ознакомили, как размещают парашютистов в самолёте АН-2. Основное правило – первый должен иметь наибольший вес, а последний – наименьший. Это правило предостерегает от того, что если первый отделяется с меньшим весом, чем второй или третий т. д., то за счет разницы в весе второй сможет догнать первого и врезаться в парашют и тем самым могут запутаться оба парашюта.

Нас учили и как правильно отталкиваться от самолёта при отделении, и что от этого также зависит успешное раскрытие парашюта. Нас убеждали, да и мы сами стали пони-

мать, что в парашютном деле мелочей не бывает, и поэтому мы стремились ничего не пропускать мимо ушей, а старались узнать как можно больше. Выполнение каждого элемента при выполнение прыжка имел определённый смысл, и при невыполнении одного элемента, так как полагается, мы могли попасть в экстремальные условия. Так, например, при отделении от самолёта АН-2 мы обязаны сильно оттолкнуться левой ногой от дверного проёма, сгруппироваться, поджав ноги и продолжая прижимать руки: правую к груди, держа кольцо, левую прижав к животу. Руки в таком положении должны быть уже в самолёте при подаче команды приготовиться. Не выполнив этих условий, нас могло ударить об обшивку самолёта и придать нам вращательное движение, тем самым, создав условие при открытии парашюта к скручиванию строп и гашению парашюта.

Тренировали нас к поведению в воздухе, после отделения от самолёта. На этом этапе мы должны были научиться считать в воздухе. Это необходимо было при ручном раскрытии парашюта, да и при принудительном для контроля за раскрытием парашюта. Как правило, в воздухе в свободном полёте время, кажется, идёт быстрее, и поэтому нас учили секунды отчитывать трёхзначными числами: двести двадцать один, двести двадцать два и т. д.

После раскрытия парашюта мы обязаны были осмотреть купол, с целью определения отсутствия разрывов в куполе и полного раскрытия. Затем осмотреться вокруг, чтобы убедиться в том, что ни с кем мы не идём на сближение и это наблюдение должны продолжать практически до земли. Также должны начинать управлять парашютом, с целью выбора места приземления. На практических занятиях мы отрабатывали и технику приземления. К технике приземления входили такие важные элементы: разворот по ветру, чтобы землю встретить лицом, а не спиной и не боком; ноги должны быть вместе и немного поджатые и ступни параллельно земли; смотреть вперёд, а не под ноги. Не выполнение этих условий могло привести к перелому ног и другим травмам.

Не мало важное значение имело и уметь погашать купол после приземления путём вытягивания нижних строп купола. Не знание техники гашения купола мы могли получить травмы и после успешного приземления. Из практики десантирования были случаи и со смертельным исходом.

В случае не раскрытия основного парашюта отрабатывали технику раскрытия запасного парашюта. Здесь также есть тонкости, от которых зависит успешное раскрытие запасного парашюта.

Нас учили, как избежать столкновения в воздухе, и какие действия принимать в случае приближения и столкновения с другим парашютистом.

Практические занятия отрабатывали на тренажёрах. Технику отделения от самолёта отрабатывали на тренажёре, имитирующим самолёт. Технику отделения от самолёта, отсчёт секунд, выдёргивание кольца и приземление отрабатывали на вышке, высотой метров двадцать, с которой спускались по тросу, имитируя этапы приземления от самолёта до земли. Технику управления парашютом отрабатывали на тренажёре, имитирующим подвесную систему. Технику правильного приземления, а именно, правильно держать ноги по отношению к земле, отрабатывали на тренажёрах типа трамплина, высотой от одного метра до двух с половиной.

Пройдя теоретический курс и практические занятия на тренажёрах, наступил день выполнения первого прыжка с самолёта АН-2. Первый прыжок совершили 25 февраля. Перед этим днем мы смотрели, как выполняют прыжки спортсмены. Спортсмены-парашютисты вселили у нас уверенность, что мы выполним свой первый прыжок успешно. 25 февраля для меня, да и, наверно, для всех на этих курсах, был днём, когда мы дважды переступили порог неизвестного. Нам предстояло не только совершить первый прыжок с парашютом, но и впервые лететь на самолёте.

Можно с уверенностью сказать, что 1968 год был для меня самым насыщенным в освоении новых знаний, условий жизни и испытаний на мужество. С курсов парашютистов начинался отсчет первого этапа в цепочке событий насыщенного для меня 1968 года.

Жаль, что у меня нет ни одной фотографии, запечатлевшей прохождение курсов по подготовке парашютистов. Не могу понять: почему я не взял с собой фотоаппарат? Об этом приходится теперь только жалеть, но поправить уже не возможно.

Первый прыжок с парашютом. В жизни приходилось много совершать впервые, но первый прыжок с парашютом – это особое событие, которое трудно сравнить с каким либо другим. Конечно, мы все волновались. Сказать, что не было волнений – значить сказать неправду. Был ли страх? Наверно нет. Имеется в виду такого страха, когда ты теряешь самообладания и не знаешь, что делать.

Мы имели минимум знаний, психологическую подготовку и видели, как практически совершаются прыжки.

Одна из заповедей разведчика, которую мы усвоили, будучи в армии, верно гласит: «Знания ликвидируют страх и растерянность». На курсах мы эту заповедь ещё не знали, но сердцем уже понимали.

Одеты мы были в лётные куртки и обуты в унты. Поэтому вид у нас был почти армейский. Надев парашюты, мы разместились в самолёте. Закрепили карабины от вытяжного фала к тросу. Ждали взлёта. Старались не подавать видом внутреннего волнения. Инструктор Галина Алексеевна старалась с нами шутить. Это помогало нам частично снять внутреннее напряжение, но оно продолжало оставаться и не давало возможности не думать о предстоящем первом прыжке с парашютом.

Ожидание. Ожидание – это бездействие. Ожидание – это размышление. Ожидание – это волнение. В ожидании состояние души всегда тяжелее, чем когда идёт процесс действий, когда ты уже не размышляешь, что тебя ждёт, а ты думаешь, как сделать то или иное действие. В процессе совершения действия ты находишься в более решительном и собранном состоянии. Секунды ожидания взлёта казались длятся дольше положенного. Но вот, наконец, самолёт АН-2 стал выруливать на взлётную полосу, пошатываясь фюзеляжем. Рёв мотора стал всё сильнее усиливаться. Вырулив на взлётную полосу, самолёт стал набирать скорость. И вот, наконец, мы оторвались от земли. Самолёт плавно стал набирать высоту. Мы все прильнули к иллюминаторам и стали смотреть на землю. Впервые в жизни я смотрел на землю с высоты птичьего полёта. Красота увиденного на какое-то время отвлекла нас от переживаний предстоящего прыжка.

Но вот раздался пронзительный вой сирены и замигал жёлтый фонарь-сигнал: приготовиться к прыжку. Мы встали, поправили лямки парашюта и с волнением стали ждать сигнала: пошёл. Галина Алексеевна улыбалась и подбадривала нас: «Ни чего ребята, держитесь, будьте смелее». Вновь раздался вой сирены и загорелся зелёный фонарь. Галина Алексеевна громко скомандовала: «Пошёл». Я должен был прыгать вторым или третьим, но передо мной парень замешкался, видимо испугался, упёрся руками и ногами в дверной проём и не хотел прыгать. Галина Алексеевна стала его стыдить за его трусость: «Какой же ты мужик, ты хуже бабы, а ну давай прыгай», и силой вытолкнула его из самолёта. Его замешательство привело к тому, что мы вынуждены были прыгать несколько позже положенного времени и это привело к тому, что приземлились дальше запланируемого места. Следом за ним прыгал я. Трудно даже описать то ощущение, которое охватило меня. Оказавшись перед дверным проёмом, ощущение было такое, как будто стою на краю пропасти. Я с силой оттолкнулся от дверного проёма и прыгнул. До раскрытия парашюта было всего около секунды и поэтому, не успев ощутить свободного падения и ветра свист, как за спиной я услышал динамический хлопок или динамический рывок. В это мгновение я понял, что парашют раскрылся. Осмотрев купол и убедившись в его целости, а также осмотревшись вокруг и, убе-

дившись что помех от других парашютистов нет, я поправил ножные лямки, чтобы удобнее было находиться в подвесной системе. Первое ощущение после раскрытия парашюта – это радость, второе – как будто завис на небесах и не спускаешься вниз, третье – приятное покачивание. Но проходит ещё несколько секунд и начинаешь ощущать приближение земли. Радость вновь переходит в небольшое волнение. Ты ещё не знаешь, как встретит тебя земля. А для того чтобы нормально приземлиться, я стал определять направление ветра и разворачивать парашют по ветру. Метров, примерно, за сто земля быстро стала приближаться, я сгруппировался и приготовился к приземлению. И, наконец, раздался глухой удар о землю. Для того чтобы смягчить удар на ноги, я не пытался удержаться на ногах, а как и учили – свалился на бок. Купол медленно стал гаснуть. Подтянув на себя нижние стропы, я ускорил его гашение. Новая волна радости охватила меня. Свой первый прыжок с парашютом совершил успешно. Собрав парашют и уложив его в сумку, я радостный шёл к месту сбора. Мне хотелось скорее поделиться с ребятами впечатлениями о первом прыжке и услышать оценку инструкторов.

К месту сбора все подходили радостные. Охотно делились впечатлениями о совершённом прыжке.

Инструктора построили нас и провели разбор выполненных прыжков. Каждому была выставлена оценка за совершённый прыжок. Мне поставили оценку «отлично».

Оставшие два прыжка мною были выполнены также на «отлично».

За выполнение трёх прыжком с оценкой отлично мне была объявлена благодарность, и в колхоз было отправлено благодарственное письмо.

Курсы были насыщенны. Свободного времени почти не было. Один раз, правда, нам организовали показ художественного фильма. И то его показ мог сорваться, из-за болезни киномеханика. Спросили: кто из нас имеет опыт киномеханика. Среди всех с таким опытом оказался я один. Так что пришлось на курсах заменять киномеханика и показывать ребятам фильм. Вечерами нас из казармы ни куда не выпускали. В казарме дежурили инструктора.

На курсах я познакомился с некоторыми ребятами. Особенно близкие отношения сложились у меня с моими земляками по Сараевскому району. Среди них особенно хотелось отметить Истомина Сашу, Чибисова Славу, Кузьмина Бориса, Сухова Василия и Клюева Сашу.

С Истоминым Сашей мы вместе учились в 9 и 10 классах, но параллельных. В армии вместе служить не пришлось. Служил он в десантной части. После армии вернулся в родной колхоз (село Максы), где работает водителем и по сей день. Женат, имеет двоих сыновей. Иногда с ним встречались во время отпусков, проводимых в деревне.

С остальными ребятами вместе призывались в армию, вместе добирались до места службы, вместе проходили карантин, но служить пришлось в разных батальонах. На втором году службы вместе были на прыжках. К сожалению, больше с ними встретиться не пришлось.

Окончились курсы по подготовке парашютистов. Всем нам был присвоен третий разряд спортсмена-парашютиста. Возвращались домой довольные тем, что успешно завершили курсы. Для меня, да и для всех, наверное, – это было испытание. Испытание армейской службы. Мы жили почти как в армейских условиях. Мы почувствовали, что готовы к службе в армии.

Вернувшись домой, я вновь оказался в деревенской глуши в спокойной, почти однообразной жизни. С радостью делился впечатлениями о прыжках с ребятами. Прекрасно осознавал, что до призыва в армию остались считанные дни.

Глава 3. Служба в армии

«Долг перед Отечеством – святыня человека»

(В. Сухомлинский)

«Готовность отдать свою жизнь, ради разведданных, которые спасут жизнь сотням, тысячам советских людей – в этом, а не в головокружительных приключениях сокровенный смысл опасной, самозабвенной профессии разведчика».

(Из высказываний неизвестного разведчика)

«Кто по своим физическим возможностям ближе других стоит к космонавтам? Десантники!»

(Г. Титов)

«В ГДР мы друг друга узнали.
Стали жить мы одною семьёй.
Край любимый всегда вспоминали,
Чтоб скорее вернуться домой»

(Слова из солдатской песни)

Путь к месту службы

1968 год. Год 50-летия создания Красной Армии (Советских Вооружённых сил). Год 50—летия рождения комсомола. Страна торжественно отмечала эти даты. Это было правильно. Эти даты были святыми для наших дедов и отцов. Эти даты необходимо были и для нас – молодых. На героическом прошлом воспитывали в нас патриотизм, веру в социализм, в справедливость. Этот год был также проверкой на прочность социалистического строя в странах социализма. В 1968 году была попытка Запада и, в первую очередь, США совершить контрреволюцию в Чехословакии, которая завершилось провалом. Страны Варшавского договора в течении двух часов ввели войска на территорию Чехословакии и предотвратили переворот.

В 1968 году при проведении тренировочного полёта погиб первый космонавт Земли Ю. А. Гагарин.

В 1968 году был первый майский призыв в армию, в связи с переходом на двухгодичный срок службы.

В этот первый майский призыв попал и я. Для меня этот год стал годом службы в Советской Армии.

Третьего мая, после обеда, рабочим поездом мы выехали из Сараев. К вечеру прибыли в Ряжск на сборный пункт.

Из тех, кто был со мной на сборах парашютистов, было четверо: Кузьмин Борис, Клюев Саша, Сухов Василий, Чибисов Слава и я – пятый. Вот так пятером мы и держались до места нашей службы.

Спали на дощатых нарах. Было как-то не обычно. Долго не могли заснуть, но постепенно сон брал своё.

На другой день нас подстригли наголо (под котовского). Продолжали приходить новые партии призывников. Приезжали и «покупатели». Приехали и десантники. Я впервые видел десантников. Их форма нам понравилась. Мы жаждали скорей надеть форму десантника.

Мы думали, что десантники приехали за нами, но, увы, нас посадили на поезд и отправили под Воронеж.

Прибыли в войсковую часть, которая располагалась в лесу. Разместили нас в палатках. В первый же день нас сводили в баню. Баня располагалась в палатке. Входили в гражданском. Снимали с себя одежду. Мылись. При выходе нам выдавали армейскую форму. Входили гражданские, а выходили уже военные. В форме мы были похожи друг на друга. Все чувствовали, что нет в нас той солдатской выправки, которая появляется со временем. Но на другой день, с приходом новых призывников, мы чувствовали себя уже на голову выше их.

После того, как переодели в форму, пошли получать матрасы и подушки. У склада стоял часовой. И мы на него смотрели не так как обычно смотрели на солдата, а немного с испугом. Ведь он стоял с автоматом. На автомат смотрели немного с завистью и с нетерпением его подержать в руках.

Автомат – боевое оружие каждого солдата. Его нельзя отделить от солдата. Он часть солдата. Только их совместное действие может побеждать врага. Но прежде чем побеждать, надо научиться владеть оружием, наукой боя. Поэтому человек, одевший солдатское обмундирование и получивший боевое оружие, рождается солдатом. Он также как и народившийся ребёнок учится разговаривать по-военному, учится ходить строевой, ломает свой прежний характер, учится военным наукам.

Да, мы учились. Учились всему. Здесь некому тебя заменить. Мамы нет. Ты должен делать всё сам.

Первый подшитый подворотничок. Сколько трудов было. Мы как цыплята облепили нашего первого командира – ефрейтора, который показывал, как правильно подшивать. У него всё это выходило быстро и ловко. Мы же мучились долго, исколов все пальцы.

Наша пятёрка держалась всё время вместе. Вместе жили в палатке. Вместе работали на раскорчёвке леса. Вместе и сфотографировались на память. Правда, Чибисов в это время куда-то отлучился, и поэтому фотографировались без него. Это была первая армейская фотография. Сколько было радости, охватившей нас, когда мы увидели фото. Каждую свободную минуту хотелось посмотреть ещё раз. Фото – это запечатлевшее отражение на бумаге мгновения жизни, события. По ним можем вспоминать то время, которое в них отражено, как бы читая книгу, но читать может тот, кто этот отрезок жизни прожил, видел его своими глазами.

Из под Воронежа мы писали первые солдатские письма родным и близким. В них мы делились своими первыми впечатлениями о солдатской жизни о первых удачах и неудачах. Письма – это не фото. В них ты не увидишь отражения жизни. Но зато прочитаешь, как именно ты видишь эту жизнь. Из письма можно увидеть внутренний мир того времени, в котором жил, а не внешний, о котором можно гадать, смотря на фото. В письмах мы находили ту духовную поддержку, которая необходима для солдата в тяжёлые минуты. Письмо – это не только листок исписанной бумаги – это невидимая сила, от которой у солдата появляются свежие силы. Кто служил в армии, тот знает, что значит письмо от родных и близких. С каким нетерпением они ждут писем. С какой радостью получают, и с каким волнением они их читают.

Под Воронежем мы пробыли несколько дней. Солдаты, которые за нами приехали из частей, увидев нас в яловых сапогах, сказали, что мы будем служить за границей, так как кто служит в Союзе – выдают кирзовые сапоги. Для нас это было неожиданностью. Так как в райвоенкомате нам говорили, что будем служить под Рязанью. Об этом нам вскоре сказали и офицеры. Нам приказали отправить домой все деньги, так как с собой за границу брать их будет нельзя. Так что пришлось отправить деньги домой. Я при себе оставил только десять рублей.

Наконец, наступил день отправки нас за границу к месту службы. Нас построили, сказали слова напутствия и под марш «Прощание славянки» колонна, примерно, в тысячу человек тронулась.

«Прощание славянки» – марш, звуки которого сильно трогают душу, вселяют силу духа, любовь к Родине. По силе воздействия на солдата с ним может сравниться, пожалуй, только гимн «Советского Союза». Музыка всегда была «эликсиром» бесстрашия для солдат. Она порой лучше всяких слов поднимала дух и веру в победу у защитников Отечества. С прощания славянки начался наш путь в Германию. Поезд мчал нас по земле России, Белоруссии, Прибалтики, Польши и Германии к месту нашей службы. Для меня это была первая поездка по земле других союзных республик и зарубежных стран.

Германская Демократическая Республика

Германская Демократическая Республика была основана 7 октября 1949 года. Она была образована на территории, которая после победы над фашистской Германией и раздела Германии на три части, находилась под влиянием Советского Союза. Одновременно в границах оккупационных зон США, Великобритании и Франции была создана Федеративная Республика Германии. Таким образом, на территории Германии было создано два государства: ГДР – которое пошло по пути строительства социализма и ФРГ – которое пошло по капиталистическому пути. Процесс этот был закономерен.

К 1968 году в ГДР, в основном, был завершён переход от капитализма к социализму. Но пережитки капитализма в сознании старшего поколения ещё остались и мы это ощущали, когда общались с немцами на хозяйственных работах. Но молодое поколение, выросшее уже при социалистическом укладе жизни, были к нам миролюбивы. Надо отдать должное немцам в высокой степени организованности, дисциплинированности и аккуратности. Порядок был виден в городах, в сельских посёлках, на полях, лугах и в лесах. Широко были распространены культурные пастбища. Леса почти похожи были по чистоте на лесопарки. Дороги были асфальтированы, выложенные камнями, бетонные, т.е. разбитых я не видел. Почти вдоль каждой дороги росли яблони. Яблони или другие деревья были ухожены, стволы побелены.

В лесах, не смотря на их ухоженность, водилось много диких зверей: кабанов, косуль, зайцев, диких кроликов. Много было грибов и черники. В водоёмах водилось много рыбы. Всё это сохранить удалось за счёт строгих законов по охране природы.

Климат был мягкий. Зимой сильных морозов не было, да и снега было мало. За два года службы мы ни разу не ходили на лыжах.

В ГДР находилась самая мощная военная группировка советских войск под названием Группа Советских войск в Германии. Да, это было и понятно. Германия в двадцатом столетии развязала две мировые войны, унесшие десятки миллионов людей. Со стороны ФРГ исходили ещё голоса о взятии реванша. На это их подталкивали и силы со стороны США. Со стороны западных спецслужб была развёрнута на территории ГДР широкая сеть агентурной разведки, которая стремилась следить за каждым перемещением наших воинских подразделений, а также вела сбор сведений о наших частях. Со стороны западных спецслужб проводились террористические акты по отношению к нашим частям. Поэтому говорить о спокойной службе нельзя. Войска всегда должны были находиться в боевой готовности, на порядок выше, чем в Союзе.

Командовал в те годы Группой Советских войск в Германии до 1969 года маршал Кошевой, а после него генерал полковник Куликов, в последствии начальник Генерального штаба, маршал Советского Союза.

Поздно ночью поезд прибыл во Франкфурт на Одере. Было приказано всем выйти из вагонов и построиться по командам. Ночь была тёмной, и мы видели только около места построения, где находились мы, прибывшие из Союза, а также офицеры и машины прибывшие за нами. Было немного неловко ощущать, что мы находимся на чужой земле вдали от Родины.

Назывались команды. К ним подходили офицеры и уводили новобранцев к машинам, и увозили по своим частям. Шеренга постепенно таяла на наших глазах, всё меньше и меньше оставалось и офицеров из частей. Из прибывших офицеров мы не увидели ни одного десантника, и от этого нам стало немного грустно. Вскоре последней осталась наша команда и офицеры в форме пехотинцев. Мы с земляками переглянулись, пожали плечами и стояли в недоумении.

К нам тихо подошёл майор и спокойно сказал: «Ну а с Вами мы должны побеседовать с каждым в отдельности». Нас завели в помещение, расположили в комнате и по одному стали приглашать в комнату для собеседования.

Для нас ещё больше стало загадок: где же нам придётся служить? Если проводят собеседование с каждым, значит отбирают в какую-то особую часть. Но какую?

Подошла очередь и моя для собеседования. Я зашёл в комнату. За столом сидел майор в общевойсковой форме. «Присаживайтесь», – спокойно сказал он и указал рукой на стул. «Фамилия, имя, отчество», – спросил майор. Я ответил также спокойно: «Осипов Александр Ильич». Он записал в тетрадь, и началась непринужденная беседа. Спросил кто родители, от куда родом, прошёл ли курсы по подготовке на парашютиста. Незаметно он подвёл наш разговор к тому, что нас подобрали для службы в части, которой в случае боевых действий предстоит действовать в глубоком тылу противника, и, как он доходчиво выразился, у нас будет только «билет» в один конец, но наши действия могут спасти жизни сотням тысячам, а может и миллионам мирных людей. «Так что подумайте хорошенько. Если не согласны, то мы Вас направим служить в другую часть», – сказал он. С минуту мы молчали. «Ну, что скажите», – нарушил тишину майор. «Я согласен», – ответил я. «Ну, вот и хорошо, но у Вас ещё будет время подумать, и если вы передумаете, то доложите», – спокойно сказал он.

Вышёл от майора я уже в приподнятом настроении. Я понял, что нас подбирали для службы в части, назначение которой для нас осталось ещё неизвестно.

Я ещё не знал, что дал согласие на службу в бригаде специального назначения для проведения разведывательно-диверсионных действий в глубоком тылу противника, которая непосредственно подчинялась Главному разведывательному управлению Генерального штаба.

Бригада специального назначения

Итак, мне предстояло служить в спецназе.

Спецназ. О нём ни чего не писали в газетах, ни чего не говорилось по радио и по телевидению. Спецназ был засекречен. Служить в спецназ отбирали очень тщательно, ещё когда были допризывниками. Тщательно проверялась родословная и политическая подкованность допризывника. Попасть служить добровольцем в спецназ было невозможно, так как о таких частях сведений не было. Даже можно было добровольцем попроситься служить в частях комитета государственной безопасности, а в спецназ такой возможности не было. Это говорило о том, что спецназ при Главном разведывательном управлении Генерального штаба имел секретность выше, чем части КГБ. О спецназе ГРУ начали понемногу писать и говорить лишь в девяностых годах, когда не стало Советского Союза и к власти пришли демократы.

Что же из себя представляли бригады специального назначения? Военная разведка во все времена играла важную роль в проведении боевых действий. Она была глаза и уши армии. Чем больше и достоверней доставала разведка сведений, тем успешней проводились боевые операции.

Советская военная разведка была создана 5 ноября 1918 года Указом №193/23, в котором среди прочих был пункт о сформировании при Главном штабе РВС регистрационного управления, которое с течением времени трансформировалось в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

Итак, 5 ноября стал негласным профессиональным праздником военных разведчиков. Спецназ стал основной частью действий военной разведки. Если рассматривать историю проведения специальных операций, то родиной настоящего армейского спецназа является Россия, и нам есть чем гордиться, есть на какие традиции опираться. Нашей стране принадлежит честь первооткрытия как в теории, так и в практике достижения военно-политических целей посредством проведения высшим военным руководством специальных операций и действий. Достаточно вспомнить фронтовой опыт Дениса Давыдова, обобщенный позже в его теоретических трудах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.